

ПОМНИ,
ИГРА ТОЛЬКО
НАЧАЛАСЬ...

ФИНАЛ

СТЕФАНИ
ГАРБЕР

Бестселлер New York Times

Стефани Гарбер
Финал
Серия «Young Adult. Мировой
бестселлер. Караваль»
Серия «Караваль», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67608488*

*Финал: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-168289-7*

Аннотация

Прошло два месяца с тех пор, как Мойры вырвались из оков Колоды Судьбы.

Два месяца – с тех пор, как Легендо завоевал трон империи.

Два месяца – с тех пор, как Телла обнаружила, что того, в кого она влюбилась, на самом деле не существует.

Империя и сердца близких под угрозой, и Телле предстоит решить, кому довериться – Легендо или бывшему врагу. Жизнь Скарлетт перевернется с ног на голову, когда откроется ее заветная тайна. А Легендо должен сделать выбор, который навсегда изменит его судьбу. Караваль завершился, но, возможно, величайшая из всех игр только началась! На этот раз никаких зрителей – есть только тот, кто победит, и тот, кто все потеряет.

Добро пожаловать в Финал! Любая игра рано или поздно подходит к концу...

Содержание

Преддверие начала	8
Начало	12
1	12
2	19
3	21
4	27
5	28
6	41
7	53
8	68
9	79
10	89
11	101
12	113
13	125
14	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Стефани Гарбер

Финал

Посвящается Саре и Джесси.

*Мне не нужны билеты на Караваль, потому
что благодаря вам двоим многое из того, о чем я
мечтала, уже претворилось в жизнь.*

Stephanie Garber

FINALE

Copyright © 2019 by Stephanie Garber

All rights reserved.

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Каждая история состоит из четырех частей: начала, середины, преддверия концовки и истинной концовки.

К сожалению, до истинной концовки добираются далеко не все. Большинство людей сдаются в той части истории, где дела обстоят хуже некуда, а ситуация кажется безнадежной.

Именно тогда надежда нужнее всего. Только те, кто упорствует, будут вознаграждены истинной концовкой.

Преддверие начала

Спальня Скарлетт Драньи была подобна дворцу, выстроенному из чудес и магии. Но лишенному воображения человеку она показалась бы всего-навсего хаотическим скоплением нарядов. По ковру цвета слоновой кости были разбросаны гранатово-красные платья, а с углов железной кровати с балдахином свисали лазурные, мягко раскачиваясь от проникающего в открытые окна соленого ветра. Сидящие на кровати сестры, по-видимому, не замечали ни дуновения ветерка, ни женщину, проникшую в комнату вместе с ним. Она проскользнула внутрь тихо-тихо, точно воровка, и, не издав ни звука, подкралась к кровати, на которой играли ее дочери.

Скарлетт, старшая, сосредоточенно поправляла лежащую на плечах розовую, как лепестки цветов, нижнюю юбку, превращенную в накидку, в то время как ее младшая сестра Донателла набросила на лицо нитку жемчуга, призванного изображать глазную повязку.

Их голоса были высокими, тонкими и по-утреннему свежими, какими могут быть только голоса детей. Они звучали чарующей музыкой, от звуков которой даже резкий полуденный солнечный свет делался похожим на светящуюся жидкую карамель, образующую вокруг их голов ореолы звездной пыли.

Обе они казались сущими ангелочками, пока Телла не

объявила:

– Я пират, а не принцесса!

Их мама поджала губы, так и не решив, улыбнуться ли ей или нахмуриться. Удивительно, как сильно младшая дочь похожа на нее саму! То же бунтарское сердечко и дух авантюризма, которые можно счесть и вселяющим надежду даром, и проклятием. Палома всерьез опасалась, что Телла может повторить ее былые ошибки.

– Нет, – возразила Скарлетт, проявляя несвойственное для нее упрямство. – Немедленно отдавай, это моя корона! Не могу же я быть королевой без короны.

Приблизившись к кровати, Палома все же нахмурилась. Обычно Скарлетт была не такой боевой, как Телла, но сейчас обе девчушки, капризно скривив рты, вцепились ручонками в противоположные концы жемчужного ожерелья и принялись тянуть его в разные стороны.

– Найди себе другую корону, а это мое пиратское сокровище! – Телла дернула изо всех сил, и по комнате весело заскакали рассыпавшиеся жемчужинки.

Тук!

Тук!

Тук!

Палома ловко поймала одну из них своими изящными пальцами. Крошечный шарик был розовым, под стать раскрасневшимся щекам ее дочерей. Обе девочки, наконец, подняли головы и увидели мать.

Карие глаза Скарлетт уже наполнились слезами – она всегда была куда более чувствительной, чем ее сестра.

– Она сломала мою корону.

– Сила подлинной королевы вовсе не в короне, маленькая моя. Она вот здесь. – Палома приложила руку к сердцу, после чего повернулась к Телле.

– Ну да, а сейчас ты скажешь, что мне не нужны сокровища, чтобы быть пиратом? Или что мое величайшее сокровище прямо здесь? – Телла прижала крошечную ладошку к груди, подражая жесту матери.

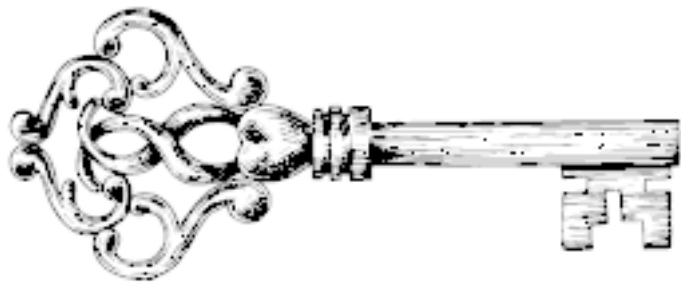
Если бы это сделала Скарлетт, Палома сочла бы ее искренней, но в глазах младшей дочери плясали лукавые искорки. Озорница Телла способна либо воспламенить весь мир, либо осенить его благословенным светом.

– Нет, милая, я скажу, что твое величайшее сокровище сидит сейчас напротив тебя. Ни одна драгоценность мира не сравнится с сестринской любовью. – С этими словами Палома взяла девочек за руки и пожала их.

Если бы в комнате были часы, они бы остановились. Временами выпадают волшебные минуты, секунд в которых в несколько раз больше, чем в обыкновенных, и та, что переживали сейчас мать и дочери, как раз была из таких. Казалось, сама вселенная расширилась, чтобы подарить людям дополнительное время. Паузы, подобные этой, случаются нечасто – а некоторым и вовсе никогда не выпадает счастья их испытать.

Две маленькие девочки этого еще не знали, потому что их истории пока не начались по-настоящему. Но очень скоро это случится, и тогда им понадобится каждый момент нежности, который удастся найти.

Начало

1

Донателла

Когда Легендо впервые появился в сновидениях Теллы, выглядел он так, словно только что выпрыгнул напрямик из одной из историй, которые рассказывали о нем люди. Подобно Данте, он всегда одевался в черное, и черной была роза, вытатуированная на тыльной стороне его ладони. Сегодня вечером, однако, он облачился в красный двубортный фрак – цвета соблазна – с золотой подкладкой, как и положено Легендо. На шее красовался платок в тон, а на голове,

конечно, его отличительный атрибут – цилиндр.

Виднеющиеся из-под полей шляпы блестящие пряди черных волос скрывали угольно-темные глаза, загадочно сверкающие всякий раз, как он смотрел на Теллу. Его взгляд лучился светом куда более ярким, чем сумеречные воды озера, на которых колыхалась их одинокая лодка. Это был не тот ровный, холодный взор, каким он одарил Теллу две ночи назад, сразу после того, как спас ее из плена колоды карт, а затем бессердечно бросил. Сегодня он улыбался, точно зловещий принц, спустившийся прямиком со звезд и готовый вознести ее с собой на небеса.

В животе у Теллы запорхали бабочки. Легендо по-прежнему оставался самым красивым лжецом из всех, кого она когда-либо видела, но она не собиралась позволять ему снова опутать ее своими чарами подобно тому, как случилось во время Каравалья. Поэтому она сбила цилиндр с его головы, заставив покачнуться крошечное суденышко, в котором они находились.

Легендо с легкостью поймал свой головной убор одним молниеносным движением ловких пальцев. Можно было подумать, что он предвидел подобную реакцию, но, сидя прямо напротив него, Телла заметила, как дернулась жилка на его шее, когда он с силой сжал челюсти. Хотя прямо сейчас они и пребывали в сновидении, в мире, где от линии горизонта по мерцающему небу начала расползаться темно-фиолетовая мгла, напоминающая подкрадывающиеся к спяще-

му человеку кошмары, жесты Легендо оставались резкими и точными, как росчерк пера, и пульсирующими, словно свежая рана.

– Я-то думал, что, увидев меня, ты обрадуешься, – сказал он.

Телла одарила его злобным взглядом. Душевная боль, которую он причинил ей во время их последней встречи, до сих пор была слишком сильна, и ее невозможно было скрыть.

– Ты ушел, оставив меня на ступеньках храма, когда я даже не могла пошевелиться. Джекс отнес меня обратно во дворец.

Легендо хмуро скривил губы.

– И ты, похоже, не собираешься меня за это прощать?

– Но ты ведь не просил у меня прощения.

Если бы он это сделал, она бы его простила. Она *хотела* так поступить, хотела верить, что Легендо не сильно отличается от Данте и что она сама не просто игрушка, с которой он лишь позабавился. Она предпочитала считать, что он бросил ее в ту ночь, потому что был напуган. Но вместо того чтобы раскаяться в содеянном, он казался раздраженным тем, что она все еще сердится на него.

Небо становилось все темнее, грозные пурпурные тучи наползли на месяц, разделив его на две половинки, походящие на расколотую улыбку.

– Мое присутствие требовалось в другом месте, – холодно сообщил Легендо, окончательно разрушив надежды Теллы.

Тут у них над головами стали взрываться фейерверки, рассыпая по закопченному от дыма небосводу яркие гранатово-красные отблески, напоминающие об огненном представлении, имевшем место две ночи назад.

Подняв глаза, Телла увидела, что искры, пританцовывая, образовали очертания дворца Элантины, который теперь стал дворцом *Легендо*. Она искренне восхищалась тем, как ему удалось убедить всю Валенду, будто он и есть подлинный наследник трона Меридианной империи. В то же время этот обман напомнил ей, что жизнь Легендо состоит из сплошного нагромождения игр. Телла не знала, жаждет ли он заполучить престол ради власти, известности и уважения – или просто задумал дать величайшее представление, которое когда-либо видела империя. Возможно, она никогда этого не узнает.

– Твой уход сопровождался невероятной холодностью и жестокостью, – пожаловалась она.

Легендо тяжело вздохнул, и лодка вдруг покачнулась от сильного удара алчных волн. Оказалось, что они плывут по узкому каналу, впадающему в искрящийся океан.

– Телла, я ведь тебе уже говорил, что не являюсь героем твоей истории.

Однако вместо того чтобы исчезнуть, он наклонился ближе к ней и заглянул в глаза так, как она хотела бы, чтобы он смотрел на нее, когда они расстались в последний раз. По ее ощущениям, вокруг стало теплее. От Легендо исходил аро-

мат магии и разбитых сердец, и это необычное сочетание наводило на мысль, что, вопреки уверениям, он все же был не прочь сделаться ее героем.

Или, может, просто намеревался и дальше распалять в ней желание...

Хоть Караваль и завершился, чудеса случаться не переставали. Вот и сейчас Телла видела сон с участием Легендо: они плыли вдвоем по водам звездной пыли и полуночи, в то время как над их головами продолжали взрываться фейерверки, как будто сами небеса стремились короновать его.

Телла попыталась усилием воли погасить рассыпающиеся в ночи искры – как-никак, это *ее* сон! – но Легендо, похоже, держал его под контролем. Чем больше она сопротивлялась увиденному, тем более прекрасным делался окружающий зачарованный мир. Воздух стал слаще, а краски ярче; из воды выпрыгнули русалки с ярко-бирюзовыми косами и жемчужно-розовыми хвостами, помахали Легендо руками и снова скрылись в глубине.

– Как же ты невероятно самонадеян! – воскликнула Телла. – Я никогда не просила тебя быть моим героем.

Две ночи назад и она сама, и Легендо вынуждены были пойти на жертвы – она обрекла себя на плен внутри Колоды Судьбы, отчасти для того, чтобы защитить его, а он освободил богов и богинь Судьбы Мойр, чтобы спасти ее. Прежде никто и никогда не совершал ради нее такого романтического поступка. Но Телле требовалось не просто легкое увлече-

ние, она хотела большего. Она хотела его *настоящего*.

С другой стороны, она даже не была уверена, что настоящий Легендо существует. Если это и так, едва ли он подпустит к себе кого-то достаточно близко, чтобы позволить постичь его истинную суть.

Между тем Легендо снова водрузил на голову цилиндр и вдруг стал таким красивым, что больно смотреть. При этом он куда больше походил на Легендо-героя-слухов-и-домыслов, чем на настоящего человека или на Данте, которого она знала и в которого влюбилась.

У Теллы сжалось сердце. Она никогда не хотела ни в кого влюбляться и вдруг возненавидела его за то, что всколыхнул в ней такую гамму чувств.

Последний фейерверк рассыпался в небе снопом искр, окрасив окружающий пейзаж в необычайно яркий оттенок синего, не виданный ею прежде. Он напоминал цвет сбывшихся желаний и воплощенных фантазий. Вдруг полилась мелодия столь чарующая, что ей позавидовали бы даже сирены.

Легендо явно пытался обворожить ее. Однако подобное состояние чрезвычайно похоже на романтические отношения, которые окрыляют, пока длятся, но, к сожалению, довольно быстро заканчиваются.

Телла по-прежнему жаждала большего. Она вовсе не хотела превратиться в еще одну безымянную девушку из многочисленных историй о Легендо, глупышку, поверившую его

словам только потому, что он покатал ее в лодке, глядя на нее искрящимися в свете звезд глазами.

– Я явился сюда не для того, чтобы препираться с тобой. – Легендо поднял руку, будто собираясь дотронуться до нее, но, в последний момент передумав, опустил свои длинные пальцы на низкий борт лодки и лениво окунул их в полуночные воды. – Хотел убедиться, что ты получила мою записку, и заодно спросить, намерена ли ты забрать свой приз за победу в Каравале.

Телла притворилась, что задумалась, хотя на самом деле каждое написанное им слово отпечаталось у нее в сердце. Он подарил ей надежду, намекнув, что она ему по-прежнему небезразлична, пожелал ей счастливого дня рождения и пообещал приз, который, по его словам, она сможет получить, придя к нему. Но он ни строчки не написал, как сожалеет о том, как причинил ей боль.

– Да, я прочитала твое послание, – подтвердила Телла, – но приз меня не интересует. Довольно с меня твоих игр.

Он засмеялся низким, до боли знакомым смехом.

– Что смешного? – не выдержала она.

– То, как ты притворяешься, что наши игры закончились.

Донателла

Наружность Легендо наводила на мысль о только что разбуженном шторме. Его волосы были всклокочены на ветру, а расправленные плечи припорошены снегом. Пуговицами на его фраке служили маленькие льдинки. Он приближался, шагая по леденяще-синему заиндевелому лесу.

Телла плотнее запахнула на груди подбитый кобальтовым мехом плащ.

– Судя по виду, ты пытаешься меня обмануть.

По его губам скользнула хитрая усмешка. Прошлой ночью он казался иллюзией, а сегодня больше походил на Данте, одетого в привычные оттенки черного. Но от Данте обычно исходило тепло, и Телла не могла не задуматься, не отражает ли холодная температура ее нынешнего сна истинное настроение Легендо.

– Я лишь хочу узнать, намерена ли ты получить свой приз за победу в Каравале.

Хоть Телла и провела большую часть дня, гадая, что же это за приз, сейчас она заставила себя подавить любопытство. Когда Скарлетт выиграла Караваль, то получила исполнение желания. Телле бы тоже не помешало подобное, но

она подозревала, что Легендо припас для нее нечто большее. Она ответила бы «да»... если бы не подозревала, что именно это Легендо и хочет от нее услышать.

Донателла

Каждую ночь Легендо проникал в сон Теллы подобно ска-
зочному злодею. И это продолжалось снова и снова. В тече-
ние почти двух месяцев он регулярно появлялся и исчезал,
получив один и тот же отрицательный ответ на свой вопрос.

Сегодня вечером они оказались в потусторонней версии
таверны, спрятанной в недрах Церкви Легендо. Бесчислен-
ные портреты, изображающие великого магистра в представ-
лении разных художников, глядели на них сверху вниз, за-
могильного вида пианист наигрывал тихую мелодию, а во-
круг танцевали похожие на призраков посетители, одетые в
красочные цилиндры.

Телла сидела в кресле в форме раковины цвета тумана в
тропическом лесу, в то время как Легендо развалился напро-
тив нее на мягком диванчике – конечно же, тоже зеленого
цвета – под стать кубикам сахара, которые он продолжал пе-
рекатывать между своими ловкими пальцами.

После той первой ночи в лодке он никогда больше не на-
девал цилиндр или красный фрак, чем лишь подтвердил по-
дозрения Теллы, что они были частью его костюма, а не лич-
ности. Он снова стал носить крахмальную черную одежду –

и, как прежде Данте, не скупился на смех и улыбки.

Но в отличие от Данте, который старался прикоснуться к ней при любой возможности, Легендо из ее снов никогда и ни при каких обстоятельствах ее и пальцем не тронул. Если, например, они летели на воздушном шаре, то его корзина оказывалась настолько больших размеров, что не было никакой опасности соприкоснуться телами. Если они прогуливались под водопадом, он шагал по самому краю дорожки, чтобы избежать случайного прикосновения.

Телла не знала, положит ли прикосновение конец их совместным сновидениям или он просто держал руки при себе, чтобы сохранять контроль, но, как бы то ни было, это бесконечно расстраивало ее. Ей самой хотелось все контролировать.

Она глотнула искрящегося зеленого напитка. На вкус он очень напоминал черную лакрицу, но ей нравилось, что взгляд Легендо скользил по ее губам всякий раз, когда она пила. Хоть он и избегал физического контакта, это не мешало ему смотреть на нее.

Нынче вечером глаза у него были покрасневшими, причем куда сильнее, чем в последние несколько ночей. Траур по императрице Элантине заканчивался через два дня, а это означало, что вот-вот начнется обратный отсчет до официальной коронации Легендо. Через двенадцать дней он станет императором. Телла не могла не задаться вопросом, не скажутся ли на нем приготовления к этому торжественному

событию. Иногда он говорил о дворцовых делах и о том, как расстраивает его королевский совет, но сегодня вечером казался спокойным. Спросить у него напрямую было все равно что начислить ему очки в их бесконечной, едва осязаемой игре, потому что именно таковой происходящее между ними и воспринималось. Показывать, что она по-прежнему печется о Легендо, было против правил. Прикосновения также подпадали под запрет.

– У тебя усталый вид, – вместо этого сказала Телла. – И волосы бы подстричь не мешало, а то они почти закрывают глаза.

Уголки его рта дернулись, голос стал насмешливым.

– Если я так плохо выгляжу, почему ты продолжаешь на меня пялиться?

– То, что ты мне не нравишься, еще не означает, что ты некрасивый.

– Если бы ты действительно меня ненавидела, то вообще не считала бы привлекательным.

– А я никогда и не утверждала, что у меня хороший вкус. – Она залпом допила остатки своего напитка.

Он снова перевел взгляд на ее губы, продолжая катать между длинными пальцами кубики сахара цвета абсента. С его кожи исчезли все татуировки – за исключением черной розы на тыльной стороне ладони. При каждой встрече с Легендо Телле хотелось спросить, почему он оставил именно это изображение и избавился ли от прочих своих татуиро-

вок, например, от красивых крыльев на спине, и не потому ли от него больше не пахнет чернилами. Ей также было любопытно, при нем ли еще клеймо Храма Звезд, символизирующее неоплаченный долг. Долг, который он взял на себя ради нее.

Но подобные вопросы, несомненно, были бы расценены как проявление заботы.

К счастью, восхищение Легендо не противоречило их негласным правилам, в противном случае они оба давным-давно проиграли бы эту игру. Телла обычно старалась быть более сдержанной в проявлении чувств, но не Легендо, который продолжал невозмутимо смотреть на нее.

Нынче вечером он казался рассеянным и даже не сделал никаких замечаний по поводу ее платья. Хотя он и оставлял за собой выбор места их очередной встречи во сне, что надеть, она решала сама. Сегодня на ней был струящийся наряд причудливого синего цвета, с бретельками из цветочных лепестков, лифом из лент и юбкой из порхающих бабочек, которые, как нравилось думать Телле, делали ее похожей на лесную нимфу.

Одна из ее бабочек села на плечо Легендо, но он этого даже не заметил. Его взгляд то и дело обращался на призрачного пианиста, а Телла задавалась вопросом, в самом ли деле в таверне нынче скучнее, чем в прошлых ее снах, или это лишь плод ее воображения?

Она могла бы поклясться, что диван, на котором раз-

валился Легендо, прежде был ярко-зеленого цвета, а теперь сделался оттенка бледного морского стекла. Она хотела спросить, не случилось ли чего, но опять же, это выглядело бы как проявление заботы с ее стороны.

– Неужели сегодня ты не задашь мне свой вопрос?

Он посмотрел на нее в упор:

– Знаешь, однажды мне и правда может надоест спрашивать, и я решу не отдавать тебе приз.

– Это было бы чудесно, – вздохнула Телла, и несколько бабочек спорхнули с ее юбки. – Я бы наконец-то хорошо выспалась.

Его глубокий голос стал ниже.

– Ты будешь скучать по мне, если я перестану навещать тебя во сне.

– Умерь свое самомнение!

Он перестал поигрывать кубиками сахара и отвернулся, снова сосредоточив внимание на выступающем на сцене музыканте, который как раз взял неверную ноту, отчего мелодия разом сделалась диссонирующей и неприятной. Танцующие люди сбились с ритма, стали натекаться друг на друга, наступать на ноги. Затем последовал резкий грохот, заставивший их замереть на месте.

Сложившись пополам, пианист рухнул на свой инструмент, точно марионетка, которой перерезали ниточки.

Сердце Теллы бешено забилося. Легендо всегда тщательно контролировал ее сны, но сейчас она не чувствовала, что

это его рук дело. Разлитые в воздухе чары пахли иначе. Магия и всегда имела сладковатый запах, но нынешний казался чересчур приторным, почти гнилостным.

Обернувшись, она увидела, что Легендо уже не сидит, но стоит прямо перед ней.

– Телла, – обратился он к ней более резким, чем обычно, голосом. – Тебе нужно немедленно проснуться...

Его последние слова превратились в дым, а сам он рассыпался горсткой пепла, и в мгновение ока весь сон оказался объятым ядовитым зеленым пламенем.

Когда Телла пробудилась, ощутила на языке привкус гари и обнаружила на ладони мертвую бабочку.

Донателла

На следующую ночь Легендо ей во сне не явился.

Донателла

По пробуждении Телла обнаружила, что в ее приоткрытое окно проникают дразнящие ароматы медовых замков, пирогов с корицей, карамельных леденцов и персикового сияния, наполняя крошечную спальню запахом сахара и мечтаний. Но она ощущала лишь вкус ночного кошмара, как и накануне, пеплом осевшего на языке.

С Легендо определенно что-то стряслось, хотя поначалу Телла не хотела в это верить. Когда их последний совместный сон сгорел в огне, она подумала, что, возможно, он затеял очередную игру. Но прошлой ночью, разыскивая его в своем сновидении, девушка снова нашла лишь дым и пепел.

Откинув тонкое одеяло, Телла встала с постели и быстро оделась. Она знала, что совершать действия, которые могли бы быть расценены как проявление заботы и участия, против правил, но если она просто сходит во дворец немного пошпионить, а не для того, чтобы поговорить с Легендо, он никогда не узнает. Если же он и правда попал в беду, тогда не грех и нарушить запреты.

– Телла, куда это ты столь поспешно собираешься?

Она так и подпрыгнула на месте, а сердце подскочило к

самому горлу при виде входящей в комнату матери. В следующее мгновение она сообразила, что это всего лишь Скарлетт. Не будь в ее темно-каштановых волосах серебристой пряди, она выглядела бы почти в точности как их мать, Палома: тот же высокий рост, те же большие карие глаза и та же смуглая кожа чуть темнее, чем у самой Теллы.

Телла заглянула в соседнюю комнату через плечо Скарлетт. Конечно же, мама все еще пребывала в зачарованном сне: неподвижная, как кукла, она лежала поверх выгоревшего на солнце лоскутного одеяла, которым была застелена тусклая латунная кровать.

Палома не шевелилась, не говорила и не открывала глаз. Однако теперь она стала менее бледной, чем когда только вышла из своего длительного заточения. Кожа порозовела, но губы еще оставались тревожного оттенка красного, как у сказочной Спящей Красавицы.

Каждый день Телла по меньшей мере час просиживала у кровати матери, внимательно наблюдая за ней в надежде уловить трепетание ресниц или любое движение, отличное от вздымающейся и опускающейся при дыхании грудной клетки. Принц Сердец Джекс предупредил: пробуждение Паломы будет означать, что и остальные бессмертные боги и богини Судьбы, которых Легендо освободил из плена Колоды Судьбы, тоже проснулись.

Всего их было тридцать два, включая шестнадцать бессмертных – Старших и Младших Мойр, – а также восемь

мест и восемь предметов. Подобно большинству жителей Меридианной империи, Телла некогда верила, что древние существа обитают лишь в мифах и легендах, но, как она впоследствии узнала из разговоров с Джексом, они были реальными злыми сущностями. Иногда Телла эгоистично заявляла, что ей все равно, проснутся они или нет – лишь бы мама очнулась.

Палома томила в плену одной из карт Колоды Судьбы в течение семи лет, и Телла не для того так отчаянно боролась за ее освобождение, чтобы теперь наблюдать, как она спит.

– Телла, с тобой все в порядке? – спросила Скарлетт. – Куда ты так вырядилась? – удивилась она.

– Просто это оказалось первое платье, подвернувшееся мне под руку.

И самое новое вдобавок. Увидев его в витрине торговой лавки на одной из улочек, она потратила на него практически все свое недельное содержание. Платье было ее любимого сиренево-голубоватого оттенка с вырезом в форме сердца, широким желтым поясом и юбкой в пол, сделанной из сотен перьев. Возможно, перья напоминали Телле о карусели сновидений, созданной для нее Легендо два месяца назад. Однако она уверила себя, что купила это платье, потому что выглядела в нем так, словно спустилась с облаков.

Телла одарила Скарлетт самой невинной своей улыбкой.

– Хочу сходить на Фестиваль Солнца.

Скарлетт скривила губы, будто не вполне решила, что на

это можно ответить, но выглядела она явно расстроенной. Ее зачарованное платье приобрело ужасный оттенок фиолетового, самого нелюбимого ее цвета, да и фасон стал каким-то старомодным – такой мог бы посоперничать даже с антикварной мебелью в их крошечной комнатке. Но, к чести Скарлетт, голос ее оставался ласковым, когда она напомнила сестре:

– Сегодня твоя очередь сидеть с Паломой.

– Я вернусь до того, как тебе нужно будет уходить, – заверила Телла. – Помню, как важен для тебя сегодняшний день. Но прямо сейчас мне действительно необходимо ненадолго отлучиться.

Телле хотелось избежать дальнейших расспросов со стороны старшей сестры, которая не понимала ее запутанных отношений с Легендо. Временами он вел себя как друг, а временами – как враг. Иногда Телле казалось, что он все такой же, как был тогда, когда она только-только влюбилась в него, и лишь однажды почувствовала, что он таков и сейчас. Но для Скарлетт Легендо оставался просто-напросто магистром Каравала и одновременно лжецом, привыкшим играть людьми подобно тому, как играют в карты. Скарлетт не знала, что Легендо *каждую* ночь являлся Телле во сне; она считала, что это случается *время от времени*. Кроме того, она была убеждена, что та его ипостась, с которой Телла продолжает видеться, не настоящая, поскольку существует только в мире грез.

Сама Телла не верила, что Легендо продолжает играть с ней, хотя не могла не понимать, что он о многом умалчивает. Каждую ночь он задавал ей один и тот же вопрос, который с недавних пор стал казаться просто предлогом для новой встречи, но также и отвлекающим маневром, чтобы скрыть настоящую причину, по которой он появлялся исключительно в ее снах. К сожалению, Телла все еще не была уверена, приходит ли он, потому что она ему в самом деле небезразлична, или потому, что затеял очередную игру.

Скарлетт расстроилась бы, узнав, что он каждую ночь посещает ее сестру во сне, но Телла все же считала необходимым признаться и заодно объяснить, куда внезапно засоби-ралась в этот особенный для Скарлетт день.

– Хочу сходить во дворец, – поспешно сказала Телла. – Подозреваю, что с Легендо что-то стряслось.

Платье Скарлетт приобрело еще более темный оттенок фиолетового.

– Неужели ты думаешь, что до нас не дошли бы слухи, случись что-нибудь с будущим императором?

– Не уверена. А вот в чем я не сомневаюсь, так это в том, что прошлой ночью не видела его во сне.

Скарлетт поджала губы.

– Это вовсе не означает, что он в опасности. Он ведь бессмертный.

– И все же что-то не так, – стояла на своем Телла. – Прежде он *ни разу* не пропускал ни единой ночи.

– А я думала, что он навещал тебя только...

– Я могла бы солгать, – перебила ее Телла. У нее не было времени выслушивать нотации старшей сестры. – Прости, Скар, я так и знала, что ты расстроишься. Пожалуйста, не пытайся меня остановить. Я же не возражаю против твоей сегодняшней встречи с Николя.

– Николя никогда не причинял мне вреда, – парировала Скарлетт. – В отличие от Легендо, он всегда вел себя учтиво, и я ждала несколько месяцев, чтобы, наконец, увидеться с ним.

– Я знаю и обещаю вернуться, чтобы присмотреть за мамой, прежде чем ты уйдешь в два часа.

Раздавшийся в этот момент бой часов возвестил, что сейчас одиннадцать и что у Теллы есть ровно три часа. Значит, отправляться нужно немедленно.

Телла крепко обняла Скарлетт.

– Спасибо за понимание.

– Я ни словом не обмолвилась о понимании, – ответила та, обнимая, однако, сестру в ответ.

Как только она отстранилась, Телла надела высокие ботинки со шнуровкой до лодыжек и прошагала по выцветшему ковру в комнату матери.

Она поцеловала Палому в холодный лоб. После воссоединения с матерью она нечасто ее оставляла. С тех пор как они переехали из дворца, она старалась проводить возле нее как можно больше времени, потому что хотела быть первой, ко-

го увидит Палома, когда откроет глаза. Она не забыла, как мать предала ее, пообещав в качестве подношения Храму Звезд, но вместо того, чтобы продолжать злиться, предпочитала считать, что этому поступку имеется объяснение и она узнает его, когда Палома очнется от зачарованного сна.

– Я люблю тебя и очень скоро вернусь, – прошептала она.

* * *

Телла задумалась о том, не спровоцировать ли собственный арест. На самом деле она этого вовсе не хотела, но, вероятно, сейчас это был самый быстрый способ попасть во дворец. На Фестиваль Солнца в Валенду съехалось слишком много гостей со всей империи. Маршруты следования небесных экипажей были переполнены, по улицам и тротуарам текли толпы людей, и Телле пришлось выбрать более длинный путь ко дворцу, предполагающий огибание ведущей к океану дельты реки.

Фестиваль Солнца проходил каждый год в первый день Сезона Зноя, и нынешний небывалый интерес к этому торжеству объяснялся окончанием траура по почившей императрице Элантине и запуском обратного отсчета до коронации Легендо, которая должна была состояться через десять дней – хотя только Скарлетт, Телла и артисты Каравала знали его под этим именем. Для остальной части империи он именовался *Данте Тьяго Алехандро Марреро Сантос*.

Мысленно произнеся «Данте», Телла ощутила боль. Это имя всегда кололо ее, подобно шипу, напоминая о том, что она влюбилась в иллюзию – и как же глупо было бы довериться ему снова! Тем не менее она чувствовала себя обязанной навестить его, не обращая внимания на царящее на улицах вследствие фестиваля оживление.

Теперь, когда траур закончился, наводнившие столицу черные флаги, наконец, исчезли, и жители сменили строгие платья на небесно-голубые, оранжевые и мятно-зеленые одежды. Повсюду наблюдалось буйство красок, сопровождаемое восхитительными ароматами: засахаренный цитрин, тропический лед, лимонная пыль. Но Телла не осмелилась хоть на миг задержаться у одного из возведенных к празднику уличных прилавков, чтобы угоститься каким-нибудь лакомством или заморским шипучим сидром.

Телла ускорила шаг и...

...так резко затормозила перед заколоченным каретным сараем, что несколько следовавших за ней человек врезались ей в спину, отчего она подалась вперед и ударилась плечом о растрескавшуюся деревянную дверь. Причиной этому стала случайно замеченная ею в толпе рука с татуировкой в виде черной розы. *Татуировкой Легендо.*

Разлитая в воздухе сладость разом превратилась в горечь.

Хоть Телла и не могла различить лица человека, ловко лавирующего в людском потоке, отметила про себя, что у него такие же широкие плечи, как у Легендо, и темные волосы,

и бронзовая кожа – при виде его у нее в животе запорхали бабочки, а руки сами собой сжались в кулаки.

Ему же вроде как угрожает опасность!

Она-то навоображала всяких ужасов: что он болен, или ранен, или подвергается смертельной угрозе. А на самом деле он выглядит... вполне хорошо. Пожалуй, не просто хорошо, а отлично: высокий, крепкий и куда более *реальный*, чем в ее снах. Определенно, это Легендо. Сама ситуация при этом *реальной* не казалась. Глядя, как уверенно он пробирается сквозь толпу, Телла поймала себя на мысли, что происходящее кажется ей разыгрываемой сценкой из очередного представления.

Будучи наследником престола, Легендо не следовало крадучись слоняться по улицам, одетому как простолюдин, в поношенные коричневые штаны и домотканую рубашку. Ему куда больше пристало скакать сквозь толпу на царственном черном жеребце с золотым венцом на голове и отрядом гвардейцев за спиной.

Но стражей никаких поблизости видно не было, и никто его не охранял. Телле показалось, что Легендо всеми силами старается избегать любых королевских патрулей.

Что же он задумал? И почему так резко исчез из ее снов, если с ним все в порядке?

Не замедляя уверенного шага, он достиг пребывающих в полном упадке руин, окаймляющих Атласный квартал. Здесь имелось множество полуразрушенных, заросших тра-

вой арок и ступеней, выглядевших так, будто были построены для великанов, а не для людей, так что Телле пришлось бежать трусцой, чтобы не упустить Легендо из виду. У нее не осталось никаких сомнений в том, что преследует она именно его, и никого другого.

Держась поближе к большим валунам, она поспешно скакала по камням, стараясь не попадаться на глаза патрулирующим развалины стражникам. Легендо между тем карабкался все выше и выше.

Разлитый в воздухе сладковатый аромат должен был становиться менее ощутимым по мере удаления от уличных торговцев, но, поднимаясь вслед за Легендо, она чувствовала, как сгущается сахар у нее на языке. Кроме того, заметно похолодало. Случайно дотронувшись костяшками пальцев до слетевших с петель ржавых железных ворот, Телла заметила, что ее кожа посинела от мороза.

Охваченные предпраздничной суетой улицы города по-прежнему освещались солнцем, но руин его жаркие лучи не достигали. По рукам Теллы побежали мурашки, стоило ей снова задуматься о том, что за игру Легендо затеял на этот раз.

Она почти добралась до вершины развалин, где ее взору предстал огромный выщербленный круг из гранитных колонн, некогда белых, а теперь посеревших от десятилетий дождей и забвения. Однако Телла без труда представила это ныне пребывающее в упадке место таким, каким оно было

столетия назад. Она как наяву увидела жемчужные колонны, высокие, точно корабельные мачты, – они поддерживали фигурные витражи, разноцветные стекла которых засыпали лежащую внизу большую арену радужными бликами.

А вот Легендо нигде не было видно. Как сквозь землю провалился!

От холода дыхание Теллы белыми облачками клубилось у нее перед лицом. Она напряженно прислушивалась, не звучат ли где шаги, не донесется ли отголосок низкого голоса. Может быть, у Легендо назначена здесь с кем-то встреча? Пока кралась мимо ближайшей колонны, она не уловила никаких звуков, кроме стука собственных зубов и...

Небо потемнело, а руины вдруг исчезли из виду.

Телла застыла на месте и часто-часто заморгала, пытаясь прояснить зрение. Окружающая обстановка разительно переменялась. Теперь она находилась среди соснового бора, на земле тут и там белели островки снега и поблескивали глаза зверей, скрывающихся за стволами деревьев. Воздух и вовсе сделался ледянее мороза и проклятий.

Итак, Телла больше не среди развалин Валенды – она перенеслась в лес в разгар Сезона Стужи. Дрожа от холода, она прижала обнаженные руки к груди.

Льющая на землю ярко-сапфировый свет луна оказалась небывалых размеров – Телла никогда такой громадины не видела – а падающие с небосвода серебряные звезды напоминали водопад.

Во время последнего Каравала Легендо заколдовал звезды, заставив их образовать новые созвездия. Но, по его собственному признанию, по окончании игры он терял силу, необходимую для проделывания подобного рода трюков. Происходящее здесь и сейчас не было похоже ни на один из снов, в которых он ей являлся. К тому же, будь это сон, Легендо уже шагал бы к ней с улыбкой падшего ангела на лице, от которой Телла незаметно поджимала пальцы ног в предвкушении, хоть внешне и притворялась равнодушной.

Кроме того, в ее снах никогда не царил такой леденящий холод. Временами мороз легонько касался ее волос кончиками пальцев или дышал в затылок, но так сильно мерзнуть ей не доводилось. В противном случае она просто вообразила бы тяжелую меховую накидку, и та тут же появилась бы у нее на плечах. В действительности все, что у нее было, – это тонкие короткие рукава.

Хоть пальцы у Теллы на ногах уже наполовину замерзли, а светлые пряди волос превратились в свисающие на лоб сосульки, поворачивать назад она и не помышляла. Ей хотелось узнать, почему Легендо перестал являться ей во снах, зачем так сильно напугал ее и каким образом они оказались в другом мире.

Она могла бы подумать, что, воспользовавшись неким пространственным порталом, он перенесся обратно на свой личный остров, а вовсе не в другое измерение, но звезды, выглядывающие в просветах закрывших луну туч, убежда-

ли в обратном. Ничего подобного в своем мире ей видеть не доводилось.

Телла и вовсе не поверила бы в происходящее, если бы дело не касалось Легендо. Ему по силам возвращать людей к жизни, силой лживых слов завоевывать королевства и даже оспаривать волю звезд. Если кто и способен путешествовать по другим измерениям, так это он.

Более того, ему удалось волшебным образом сменить одежду! Когда сквозь заснеженные ветви Телла снова мельком заметила его темный силуэт, он больше не выглядел как простолюдин, но как Легендо из ее самых ранних снов, облаченный в ладно сшитый костюм, черную накидку цвета воронова крыла, изысканный цилиндр и начищенные сапоги, на которые не налипал снег.

Едва Телла собралась выйти из-под укрытия деревьев и предстать перед Легендо, как он сделал несколько шагов вперед – и встретился с самой удивительной женщиной, которую Телла когда-либо видела.

Донателла

У Теллы внутри все сжалось.

Незнакомке были присущи те качества, каких недоставало ей самой. Она была старше, но ненамного – ровно настолько, чтобы походить на молодую женщину, а не на юную девушку. Также она была выше Теллы, статная, с прямыми огненно-рыжими волосами, ниспадающими до тонкой талии, стянутой черным кожаным корсетом. Ее платье тоже было черным, шелковистым и тонким, с разрезами по бокам, в которых виднелись длинные ноги в прозрачных чулках с розочками.

Телла, возможно, и не придавала бы особого значения ее чулкам, не будь на руках женщины также вытатуированы розы цвета полуночи, в тон цветку, изображенному на тыльной стороне ладони Легендо.

Телла мгновенно возненавидела эту незнакомку.

И самого Легендо, возможно, тоже.

Розы встречаются довольно часто, но едва ли их одинаковые татуировки были простым совпадением.

– С возвращением, Легендо. – Даже голос этой женщины казался полной противоположностью голосу Теллы: хрип-

ловатый и с соблазнительным акцентом, который Телла не узнала. Женщина не улыбалась, но, посмотрев на Легендо, облизнула губы, отчего они сделались темно-красными, под стать ее волосам.

Телла с трудом подавила желание слепить снежок и запустить его прямо в лицо незнакомке.

Не ее ли Легендо навещал все те дни, пока держал Теллу взаперти в своих снах? По его словам выходило, что, когда они бодрствовали, он якобы был занят государственными делами, но Телле не следовало безоговорочно доверять ему.

– Рад встрече, Эсмеральда. – Когда Легендо обращался к Телле, голос его был глубоким и низким, зачастую с дразнящими нотками. Но от его нынешнего тона – плотского, с намеком на жестокость и напрочь лишённого игривости – кровь застыла у Теллы в жилах. Однако звучал он с той же легкостью, как и голос, которым он подзадоривал ее во сне. На долю секунды Телла задумалась, какая из ипостасей Легендо настоящая, а какая – всего лишь притворство: нынешняя порочная или игривая из ее снов?

– Давай уйдем с этого холода. – Женщина взяла Легендо под руку.

Телла ожидала, что он отодвинется или каким-то другим жестом даст понять, что ему это неприятно, но он, напротив, притянул ее ближе к себе, прикасаясь с такой легкостью, о какой в последние два месяца Телла почти уже и забыла.

Негодую и дрожа всем телом, она крадучись следовала за парой, которая добралась до двухэтажного коттеджа с ярко освещенными окнами. Когда Эсмеральда с Легендо входили внутрь, из открытой двери пахнуло теплом, а Телла осталась в одиночестве стоять на морозе.

Очевидно, она получала извращенное удовольствие от испытываемых страданий, поэтому, вместо того чтобы развернуться и уйти, избавив себя от новых испытаний, отважно перепрыгнула через окружающую дом живую изгородь из колючих розовых кустов, пожертвовав бесполезными перьями своей юбки, и, присев под ближайшим окном коттеджа, стала подслушивать.

Если Легендо обхаживает кого-то еще, Телла хотела знать об этом все. Может быть, именно из-за этой Эсмеральды он бросил ее в последнюю ночь Каравая на ступенях перед Храмом Звезд.

Потирая руки, чтобы окончательно не превратиться в ледышку, Телла чуть-чуть подняла голову и заглянула в заиндевевшее окно. С занимавшим всю стену каменным камином и многочисленными свисающими с потолка свечами коттедж выглядел теплым, как написанное изящным почерком любовное письмо.

Это убежище, казалось, было специально создано для романтических свиданий, но ни поцелуев, ни объятий Телла не увидела. Эсмеральда, как на троне, сидела в кресле у пылающего камина, а Легендо стоял перед ней, точно верный

подданный.

Интересно.

Возможно, одинаковые татуировки означали совсем не то, что она себе навоображала. Все же открывшаяся ее глазам картина представлялась тревожной. Телла всегда считала, что Легендо ни перед кем не отчитывается, кроме самого себя, поэтому, кем бы ни была эта очаровательная женщина, Телле она совсем не понравилась. Как не пришлась ей по душе и раболепная поза Легендо, который, почтительно наклонившись к ней и слегка склонив голову, говорил:

– Мне нужна ваша помощь, Эсмеральда. Мойры вырвались на свободу из Колоды Судьбы, в которую вы их заточили.

Кровавые святые!

Телла пригнулась и, пребольно стукнувшись спиной об обледенелую стену коттеджа, с силой втянула носом холодный воздух. Теперь ей стало ясно, кто эта молодая женщина такая. До того, как Легендо освободил Мойр, они были заключены в Колоду Судьбы той же колдуньей, которая наделила его силой. С этой самой колдуньей он сейчас и разговаривал.

Неудивительно, что он обращается с ней, как с королевой. Эсмеральда, по сути, является его создательницей. Когда она произнесла заклинание, обрекающее богов и богинь Судьбы на плен в колоде карт, она забрала половину их сил, которые столетия спустя отдала обратившемуся к ней Легендо.

На самом деле Телле не так уж много было известно об этой колдунье, однако она и помыслить не могла, что та такая молодая, высокая и привлекательная.

— К сожалению, мне не удалось уничтожить Мойр. И я уже расплачиваюсь за это, — сквозь треснувшее слуховое оконце донесся до Теллы голос Легендо. — Моя магия значительно ослабла с тех пор, как они оказались на свободе. Пока боги и богини Судьбы еще не очнулись ото сна, но, как мне кажется, уже вернули себе часть своих сил. Я же теперь едва способен создать простенькую иллюзию.

Телла подавила желание встать и еще раз украдкой взглянуть на него. *«Говорит ли он правду?»* — спрашивала она себя. Если Мойрам каким-то образом удалось украсть его магию, это объясняло его внезапное исчезновение из ее сновидений. С другой стороны, она своими глазами видела, как в лесу он использовал чары, чтобы сменить свой наряд на более подобающий случаю. Ей показалось, что сделал он это безо всякого труда.

Конечно, это была лишь маленькая иллюзия, да и сама Телла находилась недостаточно близко, чтобы почувствовать ее. Во время одного из своих первых появлений в ее снах Легендо объяснил ей суть своих способностей: *«Магия бывает двух видов, — сказал он тогда. — Обычно те, кто наделен силой, могут либо манипулировать людьми, либо миром. Я же делаю и то, и другое, создавая чары, которые кажутся гораздо более реальными, чем обычные иллюзии.*

Например, если я вызову дождь, ты не просто его увидишь, но почувствуешь, как он пропитывает одежду и кожу. Если бы я захотел заставить тебя ощутить, что ты промокла до костей, то так и было бы».

Тогда в ее сне как раз начался дождь, и, пробудившись несколько часов спустя, Телла обнаружила капли влаги на своей тонкой ночной рубашке. Волосы ее тоже оказались мокрыми, давая понять, что сны были не просто фантазиями, но настоящими свиданиями с Легендо, и что сила его иллюзий простирается далеко за их пределы.

Возможно, Легендо не лгал, уверяя, что Мойры забрали часть его магии, но он явно не говорил всей правды. Скорее всего, он по-прежнему способен создавать иллюзии, но теперь они недостаточно выразительны, чтобы заставить людей поверить в их подлинность.

Телла подумала о мертвой бабочке, которую обнаружила у себя на ладони сразу после пробуждения. Теперь, хорошенько поразмыслив, она поняла, что увидела бабочку, но не почувствовала прикосновения нежных крылышек к коже, а как только положила насекомое на прикроватную тумбочку, оно исчезло.

– Мойры никак не смогли бы завладеть твоей магией, если только ты *сам* не освободил их из плена карт, – рявкнула в ответ колдунья.

– Я никогда бы этого не сделал. Неужели вы считаете меня таким глупцом? Да я пытаюсь уничтожить эту колоду с того

самого дня, как вы меня создали! – Тон Легендо был резким, как будто его глубоко задело подобное обвинение, но Телла знала, что *все это ложь*. Вопиющая ложь женщине, которой он обязан своим появлением на свет в нынешней ипостаси. Он в самом деле хотел уничтожить карты, но, когда подвернулась возможность, не воспользовался ею и не сделал этого. Вместо этого он освободил богов и богинь Судьбы, чтобы спасти Теллу.

– Я по-прежнему хочу остановить Мойр, – продолжал Легендо, – но для этого мне нужно позаимствовать вашу магию.

– Мойр с помощью магии не одолеть, – возразила колдунья. – Именно поэтому я и велела тебе уничтожить Колоду Судьбы. Они бессмертны, как и ты. Если убьешь бога или богиню Судьбы, он или она умрет, но тут же снова вернется к жизни.

– Должно же у них быть какое-то слабое место! – Голос Легендо снова зазвучал как у человека, промышляющего выведыванием чужих тайн и воровством. Ему нужна магия Эсмеральды, и он хотел узнать роковую слабость Мойр.

Осознание того, что он ищет способ разделаться с ними, должно было принести Телле облегчение, ведь она тоже не хотела, чтобы они остались в живых, но, услышав решительный стук сапог Легендо, она похолодела от ужаса и представила, как он придвигается ближе к колдунье.

Телла сжала замерзшие руки в кулаки, борясь с растущим желанием заглянуть в окно и проверить, делает ли он что-то

большее, чем просто сокращает расстояние, чтобы получить нужные ему сведения. Прикасается ли к своей создательнице? Обнимает ли ее затянутую в корсет талию, смотрит ли на нее так, как некогда смотрел на нее, Теллу?

Когда Эсмеральда заговорила снова, ее голос опять стал соблазнительным:

– У Мойр, которые были заключены в плен карт, в самом деле есть один недостаток. Бессмертием они обязаны своему создателю, то есть Упавшей Звезде. Убей его, и Мойры сделаются просто нестареющими, подобно твоим исполнителям. Они сохраняют свою магию и никогда не состарятся, но, в отличие от твоих артистов, воскресающих, если умрут во время Каравала, после смерти уже не вернутся к жизни. Поэтому, если хочешь уничтожить Мойр, должен сначала убить Упавшую Звезду.

– Как мне это сделать? – спросил Легендо.

– Полагаю, ответ на этот вопрос тебе уже известен. У Упавшей Звезды то же слабое место, что и у тебя.

Воцарилась такая всеобъемлющая тишина, что Телле показалось, будто она слышит, как на розовые кусты вокруг нее мягко опускаются снежинки. Колдунья сравнила Легендо с Упавшей Звездой два раза подряд. Во-первых, когда упомянула о Мойрах Упавшей Звезды и исполнителях Легендо. И, во-вторых, только что, заявив, что у Упавшей Звезды и Легендо одно и то же слабое место.

Означает ли это, что Легендо и сам Мойра?

Телла вспомнила, что говорила бабушка Анна, когда рассказывала историю о появлении великого магистра: *«Возможно, кто-то и правда назовет его злодеем, но найдутся и те, кто скажет, что благодаря магии он уподобился богу»*.

Некогда люди называли Мойр богами и богинями Судьбы – жестокими, капризными и ужасными. Именно поэтому ведьма и заточила их в ловушку карт.

Телла содрогнулась при мысли, что Легендо может быть таким же, как они. Во время последнего Каравала она едва не умерла, повстречавшись с Неупокоенной Королевой, Ее Прислужницами и Принцем Сердец, и ей вовсе не хотелось, чтобы Легендо оказался похожим на них. Однако она не могла отрицать тот факт, что Легендо бессмертен и обладает магией – а это куда сильнее роднило его с Мойрами, чем с людьми.

Телла отчаянно пыталась расслышать, в чем заключается его слабость, но он ни словом об этом не обмолвился.

– Должен быть другой способ, – возразил он.

– Если и есть, тебе придется выяснить его самостоятельно. Или можешь остаться здесь со мной. Мойры не знают о моем приходе в этот мир. Если останешься, все будет так, как было, когда я учила тебя пользоваться магией, – промурлыкала Эсмеральда. В самом деле *промурлыкала*.

Телла возненавидела ее всей душой. Черные шипы сорвали еще больше замерзших перьев с подола ее платья, когда она, позабыв о сдержанности, снова поднялась с корточек и

заглянула в окно. И тут же пожалела об этом.

Легендо стоял на коленях перед колдуньей, а она запустила пальцы в его темные волосы и собственнически поглаживала по голове, как будто он принадлежал ей.

– Вот уж не думал, что вы настолько сентиментальны, – заметил он.

– Исключительно когда дело касается тебя. – Она зацепила пальцем узел его шейного платка и притянула к себе его подбородок.

– Я бы и рад остаться, Эсмеральда, но не могу. Мне нужно вернуться и уничтожить Мойр, а для этого требуются ваши силы. – Он поднялся с колен как раз в тот момент, когда колдунья наклонилась к нему, похоже, с намерением поцеловать. – Я прошу их лишь на время.

– На время, как бы не так! Виданное ли это дело! – Голос Эсмеральды снова стал резким, из-за высказанной ли Легендо просьбы или из-за того, что он отверг ее поцелуй, Телла сказать не могла.

Легендо, похоже, смекнул, что она раздосадована его отказом, поэтому, шагнув к ней, взял за руку и целомудренно поцеловал костяшки пальцев.

– Вы сделали меня тем, кто я есть, Эсмеральда. Если вы лишите меня своего доверия, то и другие поступят так же.

– Никто другой и *не должен* тебе доверять, – раздраженно ответила она, но ее ярко-красные губы, наконец, изогнулись в улыбке. Улыбке женщины, говорящей «да» мужчине, перед

которым не может устоять.

Телла отлично знала эту улыбку, потому что и сама прежде одаривала ею Легендо.

Итак, колдунья согласна одолжить ему свою силу.

Телле следовало бы отвернуться, вернуться в свой мир, прежде чем будет поймана с поличным, дрожа от холода и от владеющих ею чувств, которые хотела бы и вовсе в себе искоренить. Однако продолжала сидеть под окном как заво-роженная.

Легендо припал к запястью колдуньи и стал пить кровь прямо из вены, в то время как сама она произносила слова на языке, которого Телла никогда не слышала. А Легендо все пил, пил и пил. Брал, брал и брал.

Щеки его покраснелись, а бронзовая кожа начала светиться, в то время как суровая красота Эсмеральды пошла на убыль: огненные волосы потускнели до оранжевого, чернильно-черные татуировки поблекли и посерели. К тому времени, как Легендо оторвал губы от ее запястья, она безвольно навалилась на него, как будто ее конечности разом лишились костей.

– Это отняло у меня больше сил, чем я ожидала, – тихо заметила она. – Можешь отнести меня в спальню?

– Мне жаль, – ответил Легендо, но в его голосе совсем не было сожаления – только жестокость, не смягчаемая больше чувственностью. Затем он сказал что-то, но так тихо, что Телла не разобрала ни слова.

Колдунья побледнела еще сильнее, так что кожа стала пергаментно-белой.

— Ты шутишь... — выдохнула она чуть слышно.

— По-вашему, у меня имеется чувство юмора? — парировал он и, подняв колдунью, играючи перекинул через плечо.

Телла отшатнулась назад на полуонемевших ногах, оставив за собой горстку растерзанных перьев. Всякий раз, когда Легендо уверял ее, что не является героем, она в глубине души надеялась, что своими действиями он докажет обратное. Телле хотелось верить, что она ему небезразлична, что к ней он относится не так, как к остальным. Но на самом деле все было с точностью до наоборот: чувство к Легендо сделало ее уязвимой, а может и вовсе разрушить, если немедленно не вырвет его из своего сердца.

Раз Легендо, не задумываясь, предал женщину, которая создала его, значит, предаст кого угодно.

Телла покинула свое укрытие под окном и, продравшись сквозь заросли розовых кустов, побежала, спотыкаясь, обратно в лес. Она свернула с главной тропинки и оглянулась, только оказавшись надежно скрытой в глубине соснового бора.

Когда Легендо вышел из коттеджа с перекинутой через плечо Эсмеральдой, Телла поняла, что он ей больше не друг, не враг и даже не парень, которого она когда-то любила. Он стал в точности таким, как о нем рассказывалось в многочисленных историях, которым она никогда не хотела верить.

Скарлетт

Чувства Скарлетт плясали вокруг нее хороводом красок: взволнованного аквамарина, нервного календулового и разочарованного имбирного. С тех пор как сестра ушла, она металась по комнате, каким-то внутренним чутьем предугадывая, что Телла не вернется вовремя, но также надеясь, что все же ошибается.

Наконец, Скарлетт остановилась перед зеркалом и еще раз оглядела себя, чтобы убедиться, что ее платье не отражает владеющего ею смятения. Бледно-розовое кружево казалось более тусклым, чем раньше, хотя, с другой стороны, в этом зеркале любые краски теряли яркость.

Комнаты, которые снимали Скарлетт и Телла, постепенно приходили в упадок, подобно тому, как истончается со временем тканый ковер, так что проступают нити основы.

По окончании Каравала сестры единодушно сошлись на необходимости уехать из дворца. Скарлетт хотела ни от кого не зависеть, и Телла утверждала то же самое. Но Скарлетт подозревала, что на самом деле младшая сестра стремится оказаться подальше от бросившего ее Легендо.

Телла умоляла перебраться в один из фешенебельных до-

мов в причудливом Атласном квартале, но Скарлетт понимала, что деньги нужно тратить с умом, иначе они быстро закончатся. В качестве компромисса сестры остановили выбор на нескольких небольших комнатах в пансионе, располагавшемся в отдаленном уголке желанного сердцу Теллы квартала, однако пришлось мириться с тем, что отделка зеркал была скорее желтой, чем золотой, стулья обиты колючим велветом, и повсюду ощущался запах мела, какой обычно бывает у старинной фарфоровой чашки с отколотым краем. Телла регулярно на все это жаловалась, но жизнь в скромном месте позволяла сестрам растягивать свои средства. Благодаря деньгам, которые Телла наворовала у отца, удалось внести арендную плату до конца года. Скарлетт не знала, что они будут делать потом, но сейчас не это было ее главной заботой.

Часы пробили три.

Она выглянула в окно и, конечно, не заметила Теллы в толпе праздных гуляк, зато увидела, что, наконец, подали заказанный ею наземный экипаж. В Валенде их было немного, поскольку жители отдавали предпочтение небесным каретам, плавно скользящим высоко над городскими улицами. Однако бывший жених Скарлетт, граф Николя д'Арси, или просто Николя, как она стала его в последнее время называть, обитал в расположенном далеко за пределами городских кварталов загородном поместье, с которым воздушное сообщение отсутствовало. Зная это, Скарлетт обеспечила се-

бя транспортом заблаговременно, договорившись обо всем еще неделю назад. Чего она предусмотреть не могла, так это того, насколько многолюдным окажется фестиваль.

Люди уже покрикивали на ее кучера, заставляя скорее освободить дорогу. Он точно не станет долго ждать. Если он уедет, Скарлетт окажется в затруднительном положении и упустит шанс, наконец, встретиться с Николя.

Войдя в комнату, где неподвижно лежала Палом, Скарлетт поджала губы и неодобрительно подумала: *«Она только и делает, что спит. Беспробудным, вечным сном».*

Скарлетт изо всех сил старалась подавить поднимающуюся в душе горькую злобу. Она несколько смягчилась, узнав, что мать вовсе не собиралась бросать их с сестрой навсегда и что последние семь лет она провела пленницей в проклятой Колоде Судьбы. Однако девушка до сих пор не сумела простить мать за то, что та оставила ее и Теллу на попечение злодея-отца. Телла может сколько угодно утверждать обратное, но Скарлетт не считала для себя возможным восстановить былые отношения с Паломой.

Телла, вероятно, будет в ярости, когда вернется и обнаружит, что старшая сестра оставила Палому без присмотра. Она постоянно твердила, что не хочет, чтобы та проснулась в одиночестве, однако Скарлетт сомневалась, что это знаменательное событие случится именно сегодня. Да и вообще, если Телла так печется о матери, ей следовало бы вернуться еще час назад, как и обещала.

Решив позвать служанку и попросить ее присмотреть за их матерью, Скарлетт распахнула дверь комнаты Паломы и прямо на пороге столкнулась с одной из них. Щечки у девушки покраснелись, на губах играла широкая улыбка.

– Доброго денечка, сударыня! – Служанка быстро сделала книксен. – Я пришла сказать, что в гостиной на первом этаже вас ожидает некий господин.

Скарлетт посмотрела поверх плеча девушки, но увидела только поцарапанные деревянные перила и ничего из того, что происходило внизу.

– Он назвал свое имя?

– Сказал только, что желает сделать вам сюрприз. Он очень красивый. – Девушка застенчиво накрутила на палец прядь волос, как будто этот привлекательный молодой человек стоял сейчас прямо перед ними.

Скарлетт колебалась, решая, что делать дальше. Возможно, пожаловал Николя, вдруг захотевший ее удивить, хотя на него это совсем не похоже. Воплощенная благопристойность, он отказывался встречаться с ней во время траура по императрице и просил подождать до его окончания, то есть до сегодняшнего дня, чтобы официально начать ухаживать за ней.

Кроме графа явиться к ней мог только один человек, но видаться с ним сейчас для Скарлетт было совсем нежелательно. Она поклялась даже не думать о нем нынче днем. Да и, если это *в самом деле* Хулиан, он опоздал на пять недель.

Скарлетт могла бы и вовсе счесть его мертвым, если бы не попросила Теллу осведомиться о нем у Легендо, и тот подтвердил, что Хулиан жив-здоров, хотя и не сказал, где его брат и почему не приходит к Скарлетт.

– Не окажешь ли ты мне услугу? – попросила она служанку. – Моя мать все еще нездорова. Ей ничего не нужно, но я не хочу оставлять ее одну. Пока меня не будет, не могла бы ты проверять ее каждые полчаса на случай, если она проснется?

Скарлетт протянула девушке монету. Затем с гулко колотящимся сердцем прокралась вниз по лестнице, вопреки здравому смыслу надеясь, что Хулиан, наконец, вернулся и что он скучал по ней так же сильно, как она по нему. Стараясь ступать неслышно, она вошла в гостиную и тут же замерла на месте. Ее таинственным посетителем в самом деле оказался Хулиан, который смотрел на нее через комнату.

Внезапно в гостиной стало значительно теплее. Стены как будто стали сужаться, а воздух нагреваться, словно в окна проникало слишком много солнечного света, заливая потрепанные книжные полки и стулья туманной послеполуденной дымкой, от которой вся обстановка казалась не в фокусе. Кроме Хулиана.

Он выглядел безукоризненно.

Скарлетт с легкостью поверила бы, что он только что сошел со свеженаписанного полотна. Кончики его темных волос были влажными, янтарные глаза сияли, а губы приоткры-

лись в сногшибательной улыбке.

Поистине, это парень из ее сновидений! Который, вероятно, являлся во сне половине девушек империи.

Все ее прежние чувства вспыхнули оранжевым пламенем. Хулиан не мог видеть цвета ее эмоций, а Скарлетт не хотела никакими иными способами выдавать себя. Например, посредством подогнувшихся колен или покрасневших щек. Тем не менее при виде него ей не удалось унять бешеное сердцебиение. Она как будто готовилась погнаться за ним в случае, если он вздумает обратиться в бегство. Он и так слишком долго отсутствовал!

Должно быть, Хулиан прибыл откуда-то, где было еще теплее, чем в Валенде. Накрахмаленные рукава его рубашки (обычно он такие не носил) были аккуратно закатаны, демонстрируя художавые руки. Одно его предплечье оказалось перемотанным широкой белой повязкой, контрастировавшей с кожей, которая теперь стала на несколько оттенков темнее привычного золотисто-коричневого цвета. Следовательно, Хулиан загорел в том месте, куда его в последний раз отправил Легендо. На подбородке у него красовалась аккуратно подстриженная щетина, казавшаяся толще и длиннее, чем запомнилось Скарлетт; она частично скрывала тянувшийся от его глаза к челюсти тонкий шрам. Сюртука на нем не было, только серый жилет с блестящими серебряными пуговицами, которые сочетались с причудливой вышивкой по бокам его темно-синих бриджей, заправленных в но-

венькие кожаные сапоги. Когда Скарлетт впервые встретила Хулиана, он выглядел как негодяй, а теперь и впрямь походил на добропорядочного господина.

– Привет, Малинка.

Платье Скарлетт отреагировало мгновенно. Как бы она мысленно ни приказывала ему не меняться и не выдавать ее чувств, оно всегда симпатизировало Хулиану. Когда на частном острове Легендо она впервые облачилась в этот наряд, к неловкости от необходимости раздеться перед Хулианом примешивалось разочарование, оттого что выбранный для нее туалет выглядел унылой тряпкой. Но стоило ей повернуться и посмотреть на Хулиана, как платье вдруг само собой украсилось кружевами и сделалось соблазнительного сочно-вишневого цвета, словно откуда-то знало о том, что нужно завоевать сердце этого парня.

Сейчас Скарлетт не могла видеть своего отражения в зеркале, но чувствовала, как платье снова меняется. Вырез стал много больше прежнего, так что она ощутила на груди дуновение теплого воздуха, подол плотно обнял изгибы бедер, а цвет ткани стал насыщенно-розовым, как у жаждущих поцелуя губ.

Хулиан по-волчьи ухмыльнулся, как в ту ночь, когда увез ее с Трисды – ее родного острова. Но, несмотря на голодный взгляд в глазах, он даже не попытался сократить разделяющее их расстояние, продолжая стоять на месте, опираясь локтем о потрескавшийся сервант. Проникающий в ок-

но солнечный луч позолотил черты его лица, отчего он стал казаться еще более неприступным и недостижимым.

Скарлетт хотелось подбежать к нему и обнять, но она тоже не двинулась с места.

– Когда ты вернулся? – холодно спросила она.

– Неделю назад.

«И пришел ко мне только сейчас?» — мысленно возмутилась она, но тут же напонила себе, что первая трещина в их отношениях случилась из-за нее самой, точнее, из-за ее желания встретиться со своим бывшим женихом. Хулиан тогда ответил, что все понимает, и согласился с ее стремлением поступать так, как считает нужным. А потом Легендо снова отослал его куда-то по делам.

«Писать я не смогу, но пробуду в отлучке не больше недели», — пообещал он.

Одна неделя превратилась в две, затем в три, четыре, пять, а от него не было даже записки, подтверждавшей бы, что он все еще жив. Скарлетт терялась в догадках: то ли он отказался от нее, то ли забыл о ней, потому что был чрезвычайно занят выполнением поручения Легендо.

Хулиан, которому явно было не по себе, провел рукой по шее сзади, привлекая внимание Скарлетт к обернутой вокруг руки повязке.

– Ты ранен? – *«Не потому ли он не появлялся раньше?»* — промелькнула у нее мысль. – Что у тебя с рукой?

– Ничего страшного, – пробормотал он в ответ.

Скарлетт могла бы поклясться, что он покраснел. Она даже не знала, что Хулиан способен на подобное проявление эмоций, ведь он из тех людей, кто не ведает стыда и всегда уверенно шагает по жизни. Но теперь его щеки горели огнем, и он отказывался встречаться с ней взглядом.

– Прости, что не пришел к тебе раньше.

– Все в порядке, – заверила Скарлетт. – Уверена, что ты был очень занят, выполняя поручение Легендо, каким бы оно ни было. – Она снова посмотрела на таинственную повязку у него на руке, а затем еще раз попыталась заглянуть в глаза, но Хулиан по-прежнему избегал ее взгляда. – Что ж, спасибо, что зашел. Рада тебя видеть. – Ей не терпелось многое ему поведать, но донесшееся с улицы ржание запряженных в карету лошадей напомнило о том, что ей следует поторопиться, пока не испортила отношения с Николя. – Я бы с удовольствием поболтала с тобой, но, к сожалению, мне нужно идти.

Хулиан оттолкнулся от серванта.

– Если собираешься на фестиваль, могу составить тебе компанию. – То было вежливое дружеское предложение, но Скарлетт всегда испытывала к Хулиану куда более сильные чувства, даже когда они только познакомились и он ей совсем не понравился. Они двое никогда не смогли бы быть просто друзьями. Ей нужно от него гораздо большее – в противном случае ему следовало отпустить ее от себя.

– Нет, не на фестиваль, – сказала она. – Я наконец-то

встречаюсь с Николая.

Хулиан изменился в лице – всего на мгновение, так что если бы Скарлетт отвлеклась хоть на секунду, то ничего бы и не заметила. Услышав ее ответ, он прошагал мимо нее к входной двери пансиона, как будто намереваясь уйти и оставить ее в покое, навсегда положив конец их отношениям.

Вместо этого он распахнул дверь со странно приятной улыбкой.

– Замечательно, – весело объявил он, как будто она только что сообщила, что на ужин у них будет кокосовый торт. – Я отправлюсь с тобой в качестве компаньонки... точнее, компаньона.

– Который мне вовсе не требуется.

– Потому что он у тебя уже есть?

Скарлетт сверкнула глазами.

– Нам с тобой никакая компаньонка никогда не была нужна.

– Вот именно!

Самодовольно ухмыляясь, Хулиан с важным видом прошел мимо нее к стоящему в ожидании экипажу, открыл дверцу и, вместо того чтобы помочь Скарлетт, забрался внутрь сам.

Кипя от негодования, Скарлетт последовала за ним и заняла место напротив. Хулиан, возможно, и начал одеваться как добропорядочный господин, но по-прежнему ведет себя, точно заправский негодяй. Его расстроенные чувства были

бы ей понятны, если бы за последние пять недель он хотя бы попытался передать ей весточку о себе или бороться за нее после ее заявления о том, что хочет дать Николая еще один шанс, но, похоже, Хулиану куда больше нравилось противостоять ей самой.

– Даже не думай мне помешать, – предупредила она.

– Хотел бы я заверить, что у меня и в мыслях подобного нет, но это было бы ложью.

Хулиан откинулся на спинку сиденья и развалился в свойственной молодым людям манере. Улицы Валенды не приспособлены для карет, и эта оказалась особенно узкой, так что в ней едва хватало места для них двоих. Однако Хулиан раскинул руки в стороны, положив их на парчовые подушки, и вытянул ноги, заняв почти все свободное пространство.

Когда экипаж с грохотом покатился по дороге, Скарлетт толкнула Хулиана в колено, так что оно стукнулось о другое, и указала на дверцу:

– Выметайся отсюда.

– Нет. – Убрав руки с подушек, он наклонился вперед. – Я никуда не уйду, Малинка. Мы и без того слишком много времени провели порознь. – Накрыв рукой ее ладонь, он крепко прижал ее к своему колену.

Скарлетт попыталась отстраниться, но очень вяло, как человек, делающий что-то для виду, а в душе надеющийся, что его остановят.

Хулиан именно так и поступил. Он сплел свои смуглые

пальцы с ее и сжал сильнее, чем когда-либо, как будто компенсируя все те недели, в которые не имел возможности прикоснуться к ней.

– Пока я был в отлучке, пытался вспомнить все, что ты мне когда-либо говорила. Находясь вдали от тебя, я продолжал думать о тебе каждый час каждого дня.

Скарлетт подавила желание улыбнуться. Именно такое заверение она больше всего жаждала услышать. Но Хулиан никогда за словом в карман не лез и всегда точно знал, что сказать. В этом он мастер!

– Почему же тогда ни разу не написал?

– Потому что ты объявила, что хочешь все обдумать и встретиться со своим графом.

– Мне не требовалось столь много времени на раздумья. Я не получала от тебя ни строчки целых пять недель и решила, что ты забыл обо мне или попросту бросил. – Она старалась говорить так, чтобы голос не звучал чересчур обвинительно или отчаянно, но понимала, что потерпела неудачу и в том, и в другом. Сохраняя серьезное выражение лица, Хулиан смотрел на нее своими прекрасными карими глазами, которые теперь, в проникающем в окно кареты свете казались особенно теплыми.

– Я никогда тебя не брошу, Малинка, – с чувством произнес он и, взяв ее руку, поднес к своей груди.

Сердце Скарлетт немедленно отреагировало, забившись в бешеном рваном ритме, а сердце Хулиана продолжало твер-

до и размеренно стучать под ее ладонью.

– Я совершил много ошибок. А время дал тебе потому, что считал, будто это именно то, что тебе нужно. Однако как только увидел тебя сегодня, сразу понял, что заблуждался. Поэтому я сейчас и сижу с тобой в карете и готов ехать куда угодно, даже если это означает наблюдать за тем, как ты встречаешься с другим мужчиной.

Скарлетт, на мгновение позабывшая о Николае, вернулась к действительности.

– А если я не хочу, чтобы ты наблюдал за моей встречей с другим мужчиной? – спросила она.

– Я и сам не в восторге от этой идеи. – Голос Хулиана стал дразнящим, а его пальцы напряглись, когда экипаж загрохотал по ухабистой дороге. Они подъезжали к окраине города, с каждой минутой неумолимо приближаясь к поместью Николая.

– Если ты действительно попросишь меня удалиться, я немедленно выйду из кареты и вернусь во дворец пешком, – ответил он. – Не забывай, однако, вот о чем: я здесь еще и потому, что не доверяю этому твоему графу.

– А мне ты доверяешь? – спросила Скарлетт.

– Я доверил бы тебе даже собственную жизнь. Но также я познакомился с твоим отцом и понял, что он из себя представляет, поэтому неудивительно, что я подвергаю сомнению человека, заключившего с ним сделку.

– Николай не похож на моего отца.

Когда Скарлетт узнала, что во время Каравалья на самом деле встречалась не с графом, а с игравшим его артистом, и впервые написала настоящему Николя, его не было на континенте, потому что он оплакивал *ее кончину*. Губернатор Дранья солгал ему, объявив, что Скарлетт и ее младшая сестра погибли в результате несчастного случая. Сам Николя понятия не имел, каким ужасным человеком был Марчелло Дранья.

И разительно от него отличался. Он увлекался рисованием растений и с удовольствием рассказывал забавные случаи из жизни своего пса по кличке Тимбер. А еще он оказался таким же приверженцем правил, как и Скарлетт; и так сильно верил в традиции, что, чтобы встретиться с ней, ждал до окончания траура по Элантине, то есть до сегодняшнего дня. Нет-нет, Николя не представляет для нее угрозы. Но и сердце ее он вряд ли разобьет, в отличие от Хулиана, которому уже дважды удалось это осуществить. Даже если Хулиан не сделает этого снова *намеренно*, в конце концов, ее сердце все равно разобьется из-за него.

Когда Скарлетт впервые написала Николя, она хотела встретиться с ним только затем, чтобы утолить свое любопытство. Но потом Хулиан надолго уехал, а письма от графа приходили регулярно и служили ей поддержкой, которую она тщетно ждала от Хулиана. Именно послания от Николя дарили ей ощущение опоры в неустойчивом мире.

Будучи артистом Каравалья, Хулиан не подвергался воз-

действию времени. Он мог умереть навсегда, если бы кто-то убил его вне игры, но никогда не состарится, пока будет оставаться одним из исполнителей Легендо. У Скарлетт язык бы не повернулся попросить его отказаться от этой привилегии.

Она не знала, намерен ли Легендо по-прежнему проводить игры после того, как станет императором, но благодаря внезапному исчезновению Хулиана на несколько недель одно уяснила твердо: Легендо все еще его контролирует. Какое бы совместное будущее ни ожидало Скарлетт и Хулиана, долго оно точно не продлится. Все же, даже зная это, она не могла заставить себя выдернуть свою руку из его ладони.

– Я не хочу, чтобы ты возвращался во дворец пешком, – ответила она. – Но если ты все испортишь, клянусь звездами, я больше никогда с тобой не заговорю. Граф должен поверить, что ты выступаешь в качестве моего сопровождающего. Можем сказать ему, что ты мой двоюродный брат.

– Едва ли это сработает. Если, конечно, не хочешь, чтобы он решил, будто ты вступила в неподобающие отношения с собственным двоюродным братом. – Хулиан придвинулся ближе и быстро поцеловал ее в шею.

Скарлетт почувствовала, как покраснели щеки.

– Немедленно перестань!

Он откинулся на спинку сиденья и так громко расхохотался, что карета затряслась.

– Я же просто пошутил, Малинка, хотя теперь испытываю огромный соблазн продолжать в том же духе.

Скарлетт

Скарлетт вспотела от волнения, пока служанка вела ее по коридору, стены которого были обшиты расписными панелями, а потолок украшен лепниной.

Замечая кое-где трещины, она сочла их признаками начинающегося упадка. Хоть Николя никогда не говорил ничего подобного, сама Скарлетт в какой-то момент решила, что он хотел жениться на ней исключительно из-за богатства ее отца. Однако теперь она больше не была связана с грозным родителем, поэтому, если Николя когда-нибудь и сделает ей предложение, то только из-за нее самой.

От этой мысли ладони у нее стали еще более мокрыми, чем подмышки. Ей захотелось вытереть влагу о платье, но тем самым сделала бы только хуже, оставив на темно-розовой ткани характерные полосы.

Скарлетт несколько раз вдохнула и выдохнула, пытаясь успокоиться, когда служанка открыла дверь в обширный сад под стеклянным куполом.

– Его светлость желает встретиться с вами здесь.

Крошки-колибри весело порхали с одного растения на другое. Схожее мельтешение ощущалось и в желудке у Скар-

летт, когда она прошла в дверной проем. В воздухе пахло пылью, цветами и зарождающейся романтикой.

Недавно Николя нарисовал ей букет гибридных цветов, пояснив, что ему нравится ставить садовые эксперименты. Она тогда решила, что он написал это просто чтобы ее впечатлить, но теперь поняла: кто-то здесь явно производит опыты с растениями. Ее взору предстали диковинные гроздья белых валенданских ромашек с бархатно-голубыми лозами, серебряные паучьи лилии, сияющие на свету, и желтые стебли подсолнухов с нефритово-зелеными лепестками.

Недалеко от двери на медном столике стоял букет ярко-розовых пионов, кувшин мятного лимонада, а также поднос с бутербродами из хлеба с семенами и крошечными пирожными с белыми сливами. В самый раз, чтобы проявить предусмотрительность, не впадая в крайность.

Хулиан подозрительно оглядел угощение, как будто лимонад был ядовитым, а в бутербродах прятались бритвенные лезвия.

– Еще не поздно уйти, – напомнил он.

– Но я нахожусь именно там, где хочу быть, – возразила Скарлетт и присела на краешек большого медного стула. – А вот ты можешь удалиться, когда пожелаешь.

– Только не говори, что тебе здесь действительно нравится. – Хулиан поднял глаза к стеклянному потолку, по которому ползали божьи коровки. – Здесь что-то не так. Даже насекомые хотят сбежать.

– Кхе-кхе! – раздался намеренный кашель служанки. – Его светлость, граф Николя д'Арси.

У Скарлетт перехватило дыхание, когда она услышала громкий чеканный перестук сапог, более тяжелый, чем она ожидала.

Каким только Скарлетт своего бывшего жениха не представляла: приземистым, высоким, стройным, грузным, старым, молодым, лысым, патлатым, красивым, невыразительным, бледным, загорелым, задумчивым, веселым. В своем воображении она одевала его то в легкомысленный сюртук с оборками, то в строгий фрак и не переставала гадать, что же он скажет ей при встрече.

Также она репетировала и собственные ответы, но теперь, когда он шагнул вперед и взял ее за руку, все заготовленные реплики разом вылетели у нее из головы.

Николя оказался настоящим великаном, почти на полметра выше ее. Его огромная ладонь могла бы с одинаковой легкостью и расплющить ее в лепешку, и приласкать. У него были мускулистые ноги, крепкие руки и такие густые каштановые волосы, что, как бы он ни пытался их укротить, широкая прядь все равно то и дело падала ему на лоб, придавая мальчишеский вид, который дополняли слегка погнутые очки.

Именно так Скарлетт представляла себе линчевателя, для отвода глаз притворяющегося добропорядочным любителем ботаники.

Рядом с графом трусила большая черная собака размером

с пони. *Тимбер*. В своих письмах Николя много рассказывал о своем любимце. При виде Скарлетт пес, явно взволнованный, завилял хвостом и приподнял уши, однако продолжал держаться подле хозяина и послушно сел по его команде. Николя поднес ее руку к своим полным чувственным губам и поцеловал.

Волшебному платью Скарлетт Николя явно понравился. Ее низкий вырез украсился грубо ограненными драгоценными камнями, рассыпающими искры света по всему застекленному саду.

– Рада наконец-то познакомиться с вами, – выдавила из себя Скарлетт.

Граф широко и искренне улыбнулся.

– Я испытываю искушение сказать, что вы даже красивее, чем я себе представлял, но мне бы не хотелось, чтобы вы сочли меня неоригинальным.

– Слишком поздно, – кашлянул Хулиан.

Между густыми бровями Николя появилась морщинка, когда он заметил спутника Скарлетт.

– А вы кто такой?

– Хулиан. – Он протянул ладонь, но граф явно не соби-
рался выпускать руку Скарлетт из своей.

– Не знал, что у Скарлетт есть брат.

– Потому что я ей вовсе не брат. – Хулиан сохранял дру-
желюбный тон, но в его глазах вспыхнула дьявольская искра, заметив которую Скарлетт ощутила приступ паники. – Мы

вообще не родственники. Я актер, с которым она играла во время Каравалья.

На словах «с которым она играла» он сделал особое ударение, и Скарлетт тут же захотелось его придушить. В кои-то веки Хулиан решил быть честным – и как *не вовремя!*

Николя, однако, ничуть не встревожился. Продолжая широко улыбаться, он свободной рукой погладил Тимбера.

Но Хулиан еще не закончил:

– Я не удивлен, что она никогда не упоминала обо мне. Подозреваю, что в начале Каравалья я не сильно ей нравился. Но потом нас поселили в одну комнату на постоялом дворе...

– Хулиан, довольно, – вмешалась Скарлетт.

Улыбка Николя, наконец, погасла, и он отпустил ее пальцы, как будто вдруг осознал, что, удерживая их в своей руке, совершает ошибку.

– На самом деле все совсем не так. Мы с Хулианом всего лишь *друзья*, – сказала она, сочтя нужным обойти молчанием их пребывание в одной комнате. – Во время Каравалья он познакомился с моим отцом и очень переживал, что вы окажетесь похожим на него. Он решил сопровождать меня сегодня, потому что оберегает. Но согласиться на это, очевидно, было ошибкой. – Прищурившись, она стрельнула в Хулиана красноречивым взглядом.

Судя по его виду, он ничуть не раскаивался. Просто пожал плечами и засунул руки в карманы.

– Николя, пожалуйста...

– Все в порядке, Скарлетт. – Голос графа зазвучал глубже, чем раньше, но сердитые морщинки вокруг рта исчезли. – Не скажу, что мне это нравится. Но после того как узнал правду о вашем отце и услышал о мнимом *женехе*, которого вы встретили во время Каравалья, я могу понять.

Николя повернулся к Хулиану, и под пристальным взглядом Скарлетт молодые люди все же пожали друг другу руки.

– Спасибо, что присматривали за ней во время игры.

– Я всегда буду присматривать за ней, – торжественно пообещал Хулиан.

– А как насчет тех случаев, когда ваше присутствие не требуется? – парировал Николя.

Хулиан расправил плечи и выпрямился во весь рост.

– Я предоставлю Скарлетт сделать выбор.

– Хулиан, перестань, – предупреждающе проговорила Скарлетт.

– Все в порядке. – Николя снова почесал собаку за ушами. – Я не возражаю против небольшой конкуренции. На самом деле, я бы предпочел знать, кто еще претендует на ваши руку и сердце.

– Не стал бы я употреблять подобные выражения, – возразил Хулиан. – Поскольку победа подразумевает, что это всего лишь игра.

– Это фигура речи, – сказал Николя.

– Знаю, – ухмыльнулся Хулиан. – Игры – это по моей ча-

сти. Но я не думаю, что вы выражались в переносном смысле. Вы действительно хотите завоевать Скарлетт, доказав, что вы лучший.

– А вы разве не того же самого хотите? – спросил Никола. Скарлетт готова была поклясться, что при этом он выпятил грудь.

Они были похожи на драчливых павлинов. Скарлетт представила, как их эмоции кружатся в воздухе рдеющими оттенками бирюзового и кобальтово-синего. Или она в самом деле воспринимает их чувства?

Свои собственные эмоции Скарлетт всегда видела окрашенными в разные цвета, а вот чувства другого человека ей доводилось созерцать лишь однажды. Случилось это во время Каравая, после того, как Хулиан поделился с ней своей кровью – это действие оказалось самым интимным из всего, что ей когда-либо доводилось испытывать. Впоследствии она смогла различить чувства Хулиана. Но эта связь длилась недолго, как и проблеск гордости, заставивший ее задуматься, не привиделось ли ей все это, а на самом деле она не вкушала ничьей крови.

Хулиан и Никола все еще сверлили друг друга глазами. Скарлетт совсем не так представляла встречу с графом. Это *с нее* он не должен был сводить восхищенного взгляда, расточать льстивые слова и ухаживать за ней, а не спорить с ее сопровождающим!

– Мне не нужно ничего доказывать, – заявил Хулиан. – Я

не пытаюсь завоевать руку Скарлетт. Вместо этого я предлагаю ей свою и все, что к ней прилагается, в надежде, что она возьмет ее и решит, что хочет оставить себе.

То была одна из самых приятных речей из уст Хулиана, и, возможно, Скарлетт ответила бы согласиём, если бы, произнося сии красивые слова, он удостоил ее хоть одним взглядом. Но он был так увлечен препирательством с графом, что казалось, и вовсе позабыл о ее существовании.

– Я рада, что для тебя это не просто игра, Хулиан, но, возможно, именно в игру все происходящее и нужно обратить. Пусть будет состязание кавалеров, – объявила Скарлетт и тут же пожалела о сказанном. Однако ошеломленные взгляды обоих молодых людей того стоили. Теперь Хулиан и Николя смотрели на нее так, будто она была единственной девушкой в мире. – Разве вы не знаете, что была такая традиция на заре существования Меридианной империи? – продолжила она. – Девушки из богатых и знатных семей назначали ряд заданий, чтобы их поклонники могли продемонстрировать свои умения. Тот, кто выполнял их первым или лучше всех, затем женился на своей избраннице.

Николя провел рукой по губам, словно пытаясь скрыть выражение лица, но Скарлетт заметила, что он заинтригован.

– Но это же совсем не игрушки! – запротестовал Хулиан.

– Бойтесь проиграть? – На этот раз граф определенно выпятил грудь.

Хулиан что-то пробормотал себе под нос. Поза его бы-

ла напряженной, а зубы сжаты, отчего шрам, тянувшийся от глаза к челюсти, превратился в тонкую белую ниточку.

– Малинка, нельзя устраивать подобные игры.

Не скажи он этих слов, Скарлетт, возможно, передумала бы. Она бросила вызов главным образом для того, чтобы шокировать их и прекратить нелепое противостояние. Но если бы она сейчас пошла на попятный, то выглядело бы это так, будто она действует в интересах Хулиана, а не самой себя.

Ей и без того всегда казалось, что она уступает Хулиану.

Хулиан был для нее солнцем, выглянувшим в самую суровую пору Сезона Стужи, восхитительно теплым и чудесным, когда одаривал своим вниманием, но, к сожалению, совершенно ненадежным. Подумать только, исчез на целых пять недель! А теперь, вернувшись в ее жизнь всего несколько часов назад, уже превратил ее в сущий хаос.

Она вынуждена была признать, что временами ей нравилась необузданность, которую Хулиан привносил в ее мир. Однако на этот раз дело было не в ней, а, скорее, в его стремлении добиться своего. В карете он сказал, что едет с ней, потому что не доверяет графу. Но одного взгляда на Николая – увлеченного ботаника с собакой – было достаточно, чтобы понять, что у него нет никаких гнусных планов в отношении Скарлетт. Хулиан просто не желал, чтобы у кого-то еще появились на нее виды.

– Если не хочешь играть, то и не нужно, – сказала Скарлетт. – Но, как мне кажется, это будет весело. Я уже приняла

решение.

– С каких это пор ты так быстро принимаешь решения? – удивился Хулиан.

– Пять недель назад как начала, – победоносно улыбнулась она в ответ.

Судя по виду Хулиана, он хотел продолжить спор и, вероятно, так бы и сделал, не будь рядом Николя. Вместо этого он просто с силой прихлопнул подвернувшуюся под горячую руку несчастную божью коровку.

Николя усмехнулся, как будто уже выиграл поединок, что заставило Скарлетт занервничать. Однако после того, что она только что сказала Хулиану, отступать было некуда, и хотя ей, возможно, было немного страшно, одновременно и очень волнительно от осознания, что власть будет сосредоточена именно в ее руках.

– Начнем с простого задания, а каждое последующее будет становиться все сложнее, пока один из вас не откажется или не сумеет выполнить то, что я велю.

– И каково же первое задание? – спросил Николя.

Сначала Скарлетт попыталась вспомнить, что читала в книгах по истории, но потом решила, что, раз это ее игра, она вольна поступать так, как заблагорассудится.

– В течение трех следующих дней каждый из вас должен преподнести мне подарок, но это должно быть что-то особенное, что вы никогда не дарили никому другому.

– А тот, кто подарит лучший подарок, получит приз? –

уточнил Хулиан.

– Да, – ответила Скарлетт. – Выигравшему в каждом испытании будет полагаться мой поцелуй, а по завершении игры я выйду замуж за победителя.

Именно такие смелые слова сказала бы Телла, будь она на ее месте. Скарлетт и сама ощутила прилив отваги.

Вот только чувства долго не продлятся – в отличие от результатов затеянной ею игры.

Скарлетт

Скарлетт старалась не сожалеть о решении объявить призом в затеянном ею поединке собственную руку и сердце. Хулиан тем временем изо всех сил пытался скрыть недовольство тем, чем обернулся их визит в поместье графа. После того как Скарлетт изложила правила игры, она убедила обоих своих кавалеров сесть за стол, выпить чая и отведать угощений, приготовленных Николя. Но даже это безобидное действие превратилось в очередное состязание, разговор о путешествиях – в бахвальство, кто больше повидал мир, а беседа о книгах – кто лучший читатель. Потом они замолчали и принялись испепелять друг друга взглядом, пока Скарлетт, наконец, не объявила, что пора уходить.

Теперь Хулиан прислонил свою темноволосую голову к окну, небрежно закинув ногу в сапоге на колено и тихо напевая. Скарлетт знала, что он не чувствует себя таким беспечным, каким старается выглядеть, но выводимая им мелодия была звучной и расслабляющей, отчего ряды процветающих сельских ферм казались еще красивее, когда их карета грохотала мимо по неровным дорогам.

– Так ты еще и поешь? – спросила Скарлетт. – Никогда

прежде не слышала такого мелодичного напева.

Уголок рта Хулиана приподнялся в кривой улыбке.

– Все дело в обширной практике. В течение многих лет Легендо давал мне роли менестреля, который изъяснялся одними песнями.

Скарлетт рассмеялась.

– Что ты сделал, чтобы заслужить подобное?

Хулиан пожал плечами.

– Просто мой брат временами бывает завистливым. Подозреваю, его беспокоило, что во время игр мне оказывали слишком много внимания, вот и пытался превратить меня в посмешище. Но красивые молодые люди с хорошим голосом всем нравятся.

Скарлетт закатила глаза, хотя не могла не признать, что мир действительно стал прекраснее, когда Хулиан снова начал напевать. Она выглянула в окно, когда карета шумно подкатилась к безукоризненно ухоженному загородному домику цвета персиков Фестиваля Солнца, с белоснежной отделкой и в окружении моря ромашек, навевающих мысли о живых кружевах.

Находящаяся на лужайке перед домом семья тоже казалась идеальной. Должно быть, они отмечали праздник, ужиная на свежем воздухе. На траве стоял длинный стол, накрытый скатертями в цветочек и уставленный разнообразными яствами. Вокруг собралась семья из пяти человек, все пили из глиняных кубков, как будто кто-то только что произнес

тост. Скарлетт посмотрела на младшего ребенка, девочку с длинными косами, змеящимися по спине. Она держала свой кубок обеими руками и улыбалась, как будто это был ее первый глоток вина. Если растягивать так губы продолжительное время, они заболят!

Но ее улыбка никуда не девалась. *Все оставалось неизменным.*

Горько-оранжевые уколы беспокойства поползли по коже Скарлетт, когда карета проехала мимо, но никто из сотрапезников не опустил кубки и вообще не пошевелился.

Скарлетт могла бы подумать, что семья представляет собой группу невероятно реалистичных статуй, если бы не испуганные завитки призрачно-фиолетового цвета, кружащиеся вокруг их застывших форм. Которые Скарлетт определенно не привиделись. Она так живо различала владеющее всеми чувство страха, что у нее бешено заколотилось сердце.

– Что-то не так. – Перегнувшись через Хулиана, Скарлетт открыла окно и крикнула кучеру:

– Остановите карету!

– В чем дело? – удивился Хулиан.

– Сама не знаю, но чувствую: что-то здесь не в порядке. – Она распахнула дверцу, как только экипаж замедлился, и бросилась бежать по траве.

Хулиан последовал за ней.

Вблизи семейная сценка выглядела еще более неестественной. Двигались лишь травинки под ногами Скарлетт да

муравьи, которые свободно ползали по праздничному угощению, в то время как люди застыли в одних и тех же позах, неловко приоткрыв рты и запачкав зубы темно-фиолетовой жидкостью, налитой в кубках.

– Легендо способен на подобное? – спросила Скарлетт.

– Нет, – тут же отозвался Хулиан. – Временами он может проявить жестокость, но это уж чересчур. – Он нахмурился, проверяя пульс младшей девочки. – Она еще жива.

Он продолжал нащупывать биение жизни в пугающе неподвижных телах.

– Как кто-то вообще мог это сделать? – Скарлетт оглядела стол, будто ожидая найти бутылку с ядом, спрятанную среди яств. Но все выглядело совершенно нормально: лепешки, длинные бобы, крапчатые початки кукурузы, корзиночки со свежей ежевикой, открытые свиные пироги и...

Ее взгляд остановился на ножах для масла, торчащих из стола. Приборы из этого тусклого некачественного металла плохо режут, однако нашелся кто-то достаточно сильный, кто вонзил их в стол прямо через скатерть, пришив к нему записку.

– Хулиан, взгляни-ка на это. – Скарлетт осторожно склонилась над угощением, не смея прикоснуться ни к ножам, ни к записке, когда читала вслух:

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ...
ВСЯ СЕМЬЯ ЖИВА, ВИДАТЬ.
НО КАК ТОЛЬКО ДНЮ КОНЕЦ,

КАЖДЫЙ ЗА СТОЛОМ – МЕРТВЕЦ.
В КАМЕНЬ ЧТОБЫ ИМ НЕ ПРЕВРАТИТЬСЯ,
ВСЯКОГО, КТО ПРОЧТЕТ ЭТО, ВИНА ДОЛЖНА
ИСКУПИТЬСЯ.

В ТОМ, ЧТО НАТВОРИЛИ НЕДАВНО, ВЕДОМЫЕ
СТРАХОМ,
ПРИЗНАЙТЕСЬ ЖЕ ВСЛУХ ЕДИНЫМ МАХОМ.
– ОТРАВА

– Корявая какая-то рифма, – проворчал Хулиан.

– Боюсь, ты упускаешь главное, – прошептала Скарлетт.

Она не знала, слышат ли их превратившиеся в статуи люди, но если да, не хотела пугать их своими мыслями. – Взгляни на подпись. Есть Мойра по имени Отравитель.

Однако «отрава» и «отравитель» все же не одно и то же и, возможно, Мойра в этом деянии неповинна. В противном случае им оставили ужасное предупреждение.

До недавнего времени Скарлетт никогда особо не задумывалась о богах и богинях Судьбы; эти архаичные легендарные существа всегда были навязчивой идеей ее сестры. Но после того как Мойры освободились из плена проклятой Колоды Судьбы, Скарлетт засыпала Теллу вопросами и сама взялась изучать имеющиеся о них сведения.

Мойры были настолько древними, что большинство людей считало их не более чем мифическими созданиями, которых принято изображать на Колодах Судьбы, используемых людьми для предсказания будущего. В действительности они являлись не просто нарисованными картинками; но

реальными проклятыми сущностями, обреченными на долгие века заточения в Колоде Судьбы. Упоминаний о том, как именно они применяли свои способности, почти не имелось, но имя Отравитель говорило само за себя.

– По-твоему, это означает, что Мойры просыпаются?

– Мы и подумать не могли, что это случится так быстро. – Хулиан ослабил узел своего шейного платка. – Возможно, кто-то вздумал устроить дурацкий розыгрыш для Фестиваля Солнца.

– И кто же способен так пошутить?

– Принц Сердец, например, может останавливать сердца, – рискнул предположить Хулиан.

– Нет, они по-прежнему бьются.

Хоть сама Скарлетт пульс стоящих вокруг стола людей не прощупывала, не сомневалась, что он есть, и очень сильный – под стать ее собственному. Сердце ее заколотилось быстрее, когда она заметила, что исходящие от семьи шлейфы пурпурной паники начинают завиваться, подобно дыму от разгорающегося пожара.

– Похоже, нам придется сделать то, о чем просят, и прилюдно признаться в последней лжи вслух, – заметила Скарлетт. – Даже если мы вернемся в город и отыщем открытую аптеку, сдастся мне, подходящее лекарство, чтобы помочь этим людям, там вряд ли найдется. – А Скарлетт очень не хотелось бросать несчастную семью на произвол судьбы.

Покачав головой, Хулиан еще раз окинул взглядом за-

стывших вокруг стола людей.

– Мне следовало подыграть тебе и заверить графа, что я и впрямь твой двоюродный брат.

– Зачем ты это говоришь? – удивилась Скарлетт.

– Потому что последняя сказанная мной ложь была адресована тебе. – Хулиан провел рукой по волосам, а когда снова посмотрел на нее, в его глазах застыли напряженность и сожаление.

Ужасное тошнотворное чувство нахлынуло на Скарлетт. Его ложь и раньше служила у них яблоком раздора и была дурной привычкой Хулиана, от которой у него никак не получалось избавиться, возможно, из-за того, что так долго был частью Каравая. Но, учитывая его сегодняшнее искреннее поведение, она позволила себе надеяться, что он, возможно, начинает меняться к лучшему. С другой стороны, могла и ошибаться.

– Прости, Малинка. Сказав, что уехал на пять недель, чтобы дать тебе время осмыслить ситуацию, я соврал. На самом деле я исчез, потому что злился из-за твоего желания встретиться с графом и счел, что расставание сделает меня более желанным в твоих глазах.

И он не ошибся. Скарлетт действительно желала его, тосковала и одновременно ненавидела, но прямо сейчас едва не рассмеялась. Ей всегда было больно, когда Хулиан лгал; она считала, что, говоря неправду, он демонстрирует свое безразличие. Однако все его сегодняшние поступки доказыва-

ли, что ему вовсе не все равно. Едва ли она могла злиться на него за то, что манипулировал ею, когда сама поступала с ним точно так же.

– Ты ужасен, – сказала она. – Но и я ничуть не лучше. На самом деле состязание кавалеров вовсе не кажется мне веселым. Чем больше я думаю об этом, тем сильнее нервничаю. Я затеяла его только для того, чтобы испытать тебя и отомстить за то, что оставил меня так надолго.

Хулиан тут же снова заулыбался.

– Означает ли это, что ты все отменишь?

Кто-то закашлял с другой стороны стола. Задыхаясь, отплеываясь, хрипя и роняя кубки, люди вернулись к жизни.

– Спасибо вам!

– Благослови вас господь!

– Вы спасли нас!

Члены семьи окружили Скарлетт и Хулиана, с энтузиазмом обнимая их и бурно выражая свою благодарность. Их нагретые на солнце тела дрожали от пережитого напряжения, а младшая девочка с косичками, возможно, обнимала Хулиана немного дольше, чем все остальные, мгновенно влюбившись в него.

– Я уже решила, что мы навсегда останемся статуями, – призналась полная женщина, очевидно, мать семейства.

– Люди проходили мимо, но никто не останавливался, – добавил один из сыновей.

– Вы можете рассказать нам что-нибудь о том, кто сотво-

рил с вами подобное? – спросил Хулиан.

– О да, – отозвались все одновременно, и вдруг их напряженные лица сделались отсутствующими.

– Ну, этот человек был...

– По-моему...

Они несколько раз попытались ответить на вопрос, но никому не удалось высказать ни единой связной мысли, как будто у них украли воспоминания.

Скарлетт раздумывала, не поделиться ли соображениями, которые прежде шепотом сообщила Хулиану – что Мойры уже проснулись, и таинственный Отрава на самом деле Отравитель, но решила, что для одного дня эта семья и без того пережила достаточно. Незачем пугать их еще сильнее.

– Мы бы пригласили вас остаться поужинать с нами, – вступил в разговор отец семейства. – Но едва ли сейчас кому-то кусок в горло полезет.

– Все в порядке, – заверила Скарлетт. – Мы очень рады, что сумели помочь.

Получив очередную порцию объятий, они с Хулианом вернулись в карету. Если это действительно было делом рук Мойры, нужно срочно предупредить...

– Подождите! – закричала младшая девочка с косичками и бросилась бежать по траве. Скарлетт подумала, что она, возможно, решила поцеловать Хулиана на прощание, но малышка подскочила к ней самой. – Я хочу сделать вам подарок за то, что помогли нам. – Девчушка торжественно сунула

руку в карман фартука и вытащила уродливый ключ, поцарапанный и покрытый зеленовато-белой ржавчиной – цвета похороненных секретов, которые не следовало доставать на свет божий.

– Не стоит беспокойства, – попыталась заверить Скарлетт. – Оставь его себе.

– Нет, – настаивала малышка. – Этот ключ не так прост, как кажется на первый взгляд. Он похож на то, какой была моя семья, когда вы проезжали мимо. Я не знаю, что он открывает, потому что сама нашла его лишь сегодня утром у колодца. Вот только что ничего не было, а потом – ррраз! – и появился ключ. Наверно, он волшебный, поэтому пусть будет у вас, ведь вы и сама тоже будто явились из сказки.

Девчушка протянула ей подарок, и Скарлетт едва не расплакалась. Какой милый ребенок!

– Спасибо. – Она зажала ключ в кулаке.

Снова сев в карету, Скарлетт еще раз посмотрела на полученный от ребенка подарок и обнаружила, что вместо ржавого металлического держит на ладони хрустальный ключ, переливающийся, как звездная пыль и колдовство.

Донателла

К тому времени, как Телла подошла к пансиону, ноги ее дрожали от усталости, а зрение затуманилось. Перемещение между мирами истощило ее, она ощущала себя влажным лоскутом ткани, выжатым грубыми руками.

Телла не знала, сколько времени прошло, пока она отсутствовала. Судя по помятым праздничным плакатам и количеству усеявших улицы конфетных фантиков, ее не было несколько часов. Дети, которые раньше бегали с вертушками в форме солнца, теперь спали в объятиях усталых родителей, молодые девушки успели сменить простые платья на более изысканные, а на улицах появились новые торговцы. Празднества то затихали, то начинались снова в бесконечной круговерти, и казалось, ночь будет длиться вечно.

Телла сильно подвела Скарлетт, не вернувшись к оговоренному времени. Войдя в обшарпанный пансион, она невольно замедлила шаг, так как не хотела видеть разочарования на лице сестры. Она мучилась осознанием того, что не сдержала своего обещания, но отнюдь не жалела, что последовала за Легендо, ведь таким образом ей, наконец, удалось застать его врасплох и незаметно понаблюдать за ним.

Вероятно, ей следовало бы отыскать его в реальной жизни несколько недель назад, но слишком нравились их встречи во сне, ведь в них он был близок к совершенству. Возможно, в том-то и заключалась проблема. В сновидениях Легендо представлял именно в той ипостаси, в какой она хотела его видеть, – такого человека она полюбила, о таком пеклась, – в то время как в реальной жизни доверять ему было нельзя.

Телла приоткрыла дверь и медленно вошла в комнату, нагретую пойманным в ловушку солнечным светом.

– Скар... – нерешительно позвала она.

– Донателла... Это ты? – Вопрос был задан едва различимым шепотом и мог бы с тем же успехом прозвучать лишь у нее в голове, однако голос был безошибочно узнаваемым и знакомым, хотя за последние семь лет Телла слышала его лишь однажды.

Она вбежала в комнату матери и резко остановилась при виде сидящей на кровати Паломы.

Окружающий мир замер. Доносящиеся с улицы звуки фестиваля исчезли. И потерятая обстановка пансиона тоже.

Легчайшее прикосновение губ к опущенным векам. Запертые шкапулки с драгоценностями. Вызывающий головокружение шепот. Флаконы с экзотическими духами. Сказки на ночь и улыбки при свете дня. Зачарованный смех. Колыбельные. Чашки фиалкового чая. Заговорищическое переглядывание. Полные писем ящички комода. Невысказанные прощания. Развевающиеся занавески. Аромат плюмерий.

В памяти Теллы разом всплыли сотни разрозненных воспоминаний, но все они казались бескровными и незначительными по сравнению с чудесной реальностью – очнувшейся ото сна матерью.

Палома выглядела как более взрослая версия Скарлетт, хотя в ее улыбке не хватало присущей старшей дочери мягкости. Улыбнувшись, Палома стала в точности такой, какой в образе Потерянного Рая была запечатлена на плакате, увиденном Теллой в заведении «Их разыскивает Элантина». Именно эту очаровательную и загадочную улыбку Телла пыталась перенять, снова и снова упражняясь перед зеркалом, когда была маленькой девочкой.

– Вид у тебя такой, будто только что с кем-то подралась. Но меня это почему-то не удивляет. – Губы матери дрогнули, но голос оставался самым сладким звуком, который Телла когда-либо слышала.

– Повздорила с розовым кустом. – Она бросилась к кровати и заключила мать в объятия. От Паломы больше не исходил сладкий аромат магии, но Телле было все равно. Она крепко и яростно прижалась к ней, положив голову ей на плечо.

Палома обняла дочь в ответ, но лишь на мгновение, после чего откинулась на стеганую подушку, прерывисто дыша, и ее веки начали опускаться.

– Прости! – Телла тут же отстранилась. – Я не хотела причинить тебе боль.

– Ты никогда не смогла бы причинить мне боль своими объятиями. Я просто... – Мать наморщила лоб, полускрытый растрепанными прядями темных волос, как будто пытаюсь ухватить ускользающую мысль. – Думаю, мне нужно поесть, моя маленькая. Можешь принести мне немного еды?

– Сейчас позову служанку.

– Мне... мне... кажется... – Веки Паломы затрепетали и закрылись.

– Мама!

– Я в порядке. – Она снова приоткрыла глаза. – Только очень ослабела и голодна.

– Сейчас найду тебе что-нибудь поесть, – пообещала Телла.

Ей не хотелось расставаться с матерью, но и заставлять ее ждать, пока служанка будет бегать вверх-вниз по лестнице, тоже не следовало. Поэтому Телла сама поспешила на кухню, где вообще никого не обнаружила. Похоже, все служанки ушли на Фестиваль Солнца.

Кухня казалась покинутой, и никто не остановил Теллу, когда она схватила поднос и начала накладывать на него еду. Она выбрала самые красивые фрукты с блюда пухлых персиков и ярких как солнце абрикосов. Затем взяла ломоть твердого сыра и полбуханки хлеба с шалфеем, машинально сунув в рот кусочек, так как вместе с волнением и сама почувствовала голод. Мать, наконец, проснулась, и с ней все будет в порядке, как только она поест.

Телла подумала о том, чтобы заварить чай, но ей не хотелось ждать, пока закипит вода, поэтому решила лучше поискать вино. Строго говоря, спиртное в пансионе никогда не подавали, но она была уверена, что у хозяйки есть запасы, и не ошиблась. В шкафу обнаружилась бутылка бургундского, вместе с которой Телла прихватила пару шоколадных эклеров на сладкое.

Гордая тем, сколько угощений удалось раздобыть, она стала осторожно подниматься по ступенькам.

Телла помнила, что закрывала за собой дверь, но, похоже, оставила ее приоткрытой и теперь толкнула локтем, чтобы полностью распахнуть. При этом она уронила персик, который с глухим стуком шлепнулся на пол.

Телла вошла внутрь, отмечая, что в комнате стало холоднее, чем когда она уходила, и тише. *Слишком тихо*. Единственный звук исходил от мухи, привлеченной украденными ею угощениями.

— Я вернулась! — Телла старалась не нервничать, не получив никакого ответа. Это Скарлетт вечно обо всем беспокоится. Тем не менее Телла не могла отделаться от чувства растущего беспокойства.

Она зашагала быстрее, и с ее подноса вслед за персиком скатился абрикос. А потом и весь поднос чуть не выпал из ее дрожащих рук.

Матери на кровати больше не было.

И нигде в комнате тоже.

– Палома? – позвала Телла, будучи не в силах заставить себя произнести слово «мама». Было слишком больно кричать так же, как в детстве, и не получать ответа. Она поклялась никогда больше этого не делать. Оказалось, не менее болезненно и позвать ее по имени и также не дожидаться отклика.

Чувствуя, как у нее перехватывает горло, Телла попыталась озвучить оба известных ей имени своей матери:

– Палома! Потерянный Рай!

Безрезультатно.

Поспешно поставив поднос на кровать, она бросилась во вторую спальню, затем в ванную комнату, но обе были пусты.

Ее мать ушла.

От потрясения у Теллы отказали ноги. Она неуклюже припелась обратно в спальню, и тут колени у нее подогнулись, так что пришлось схватиться за ближайший столбик кровати, чтобы не упасть.

Лишь муха неумоимо жужжала над ставшей ненужной едой. Телла отчаянно пыталась сообразить, что могло произойти. Мама была невероятно слаба и в смятении. Возможно, она сама пошла искать Теллу и заблудилась? В таком случае просто нужно найти ее и...

Заполошный поток мыслей прервался, когда Телла заметила оставленную на комод записку. С трудом поднявшись, дрожащими пальцами она подняла листок бумаги, исписанный торопливым, корявым почерком.

Любимые мои девочки!

Сожалею, что приходится покидать вас так скоро, но, чем дольше я стану ждать, тем тяжелее мне будет это сделать. Прошу вас простить меня и не искать снова. Я желала в жизни лишь одного – защитить вас, но мое присутствие подвергнет вас двоих еще большей опасности.

Раз я пробудилась ото сна, значит, и Мойры тоже, и отныне вся Валенда в опасности. Оставаясь в этом городе, вы также подвергаетесь угрозе. Прошу, уезжайте отсюда немедленно, подальше от богов и богинь Судьбы.

В действительности Мойры еще более порочны, чем говорится в мифах и легендах. Они были созданы из страха, и страх же питает их силы, поэтому они постараются причинить как можно больше вреда. Если все же столкнетесь с ними, боритесь со своим страхом, и останетесь целы, мои любимые.

*Если смогу, то вернусь к вам, девочки мои.
С любовью, большей, чем вы можете себе представить,
ваша мама*

– Нет! – Телла сорвала с кровати простыни и прижала их к глазам вместо носового платка, пытаясь сдержать злые горячие слезы. Плакала она недолго, но горько. Как ее мать могла так поступить? Дело было не только в том, что она ускользнула, но и в том, что ради этого обманула Теллу. На самом деле она не была ни голодна, ни слаба. Она хотела уйти – и снова это сделала.

Телла скомкала записку в кулаке и тут же пожалела об этом. Если отыскать мать не удастся, это все, что останется у нее на память о ней.

Нет! Нельзя так думать. Раз Телла сумела победить смерть, то ей будет по силам и найти свою маму и вернуть ее. Плевать на содержащееся в записке предупреждение! Телла давным-давно решила для себя никогда не совершать никаких действий под влиянием страха. На самом деле страх — это отравы, которую люди ошибочно принимают за защиту. Стремление к спокойной жизни может оказаться не менее коварным. Отец, к примеру, окружил себя ужасными стражниками, чтобы обезопасить себя самого, свои деньги и владения. Старшая сестра чуть не вышла замуж за человека, которого никогда не встречала, движимая желанием защитить Теллу. Самой же Телле до собственной безопасности не было дела — до тех пор, пока у нее была мать.

Внутренний голос предупредил, что это опасная идея. Мама недаром велела им со Скарлетт уехать из города, чтобы спастись от Мойр. Однако Телла сама частично повинна в том, что они оказались на свободе.

Кроме того, не для того она столь многим пожертвовала и приложила столько стараний, чтобы мать снова ее бросила.

* * *

Когда Телла вышла на улицу, солнце все еще ярко свети-

ло, торговцы теснились на тротуарах, а мостовые были усыпаны недоеденными праздничными угощениями. Но за ароматом жженого сахара и разрозненных фрагментов торжеств Телла уловила другой запах, гораздо более сладкий, чем эти немудрящие удовольствия: *магии*.

Телла узнала этот аромат по снам, в которых ей являлся Легендо. И, обнимая мать, она также его ощущала. Хотя запах волшебства был едва уловим, все же представлял собой след, по которому Телла могла ориентироваться в толпе.

– Прошу прощения...

– Вы уж извините, барышня!

Захмелевшие гуляки не раз натыкались на Теллу, спешащую за нитью волшебного аромата по переполненным улицам, пока не оказалась у другого комплекса руин Валенды – того, что на границе с Университетским городком.

Бывать в этой части города Телле не доводилось, и местности она не знала. Развалины здесь казались куда более замысловатыми, чем древняя арена, на которую она ранее последовала за Легендо. Эти проходы, арки и галереи, по-видимому, использовались для торговли. Оставалось только надеяться, что они не приведут к другим порталам. Как бы то ни было, Телла начала подниматься по ведущей к руинам крутой тропе.

Наверное, ей следовало бы переобуться. Ее ботинки на тонкой подошве были безвозвратно загублены хождением сначала по снегу, а потом – по раскалившимся на солнце мо-

стовым. Сняв их, она тут же почувствовала, что идти стало легче.

Гранитные ступени еще хранили накопленное за день тепло, однако Телла ощутила, как что-то холодное, напоминающее паучьи лапки, пробежало по ее затылку.

Она рискнула оглянуться через плечо, но позади никого не оказалось. Между стволами росших по обеим сторонам тропинки деревьев никто не прятался. И охраны нигде видно не было.

Однако она продолжала ощущать на себе чей-то скользкий незримый взгляд – наряду с пульсацией магии, которая теперь присутствовала не просто в виде легкого аромата, но куда более осязаемо, чем когда Телла преследовала Легендо. Магия была похожа на биение сердца.

Тук!

Тук!

Тук!

Телла продолжала подниматься по древним ступеням, чувствуя пульсацию магии под босыми ногами – вот только лестница больше не казалась ветхой.

Разрушающиеся арки вдруг стали целехонькими, да еще и покрытыми ярко раскрашенной резьбой с красными химерами, напоминающими виденные ею на Судьбоносном Балу. Тут красовались серебристые ягнята с волчьими головами, синие лошади с драконьими крыльями в зеленых прожилках, ястребы с черными бараньими рогами. И даже...

Телла отшатнулась при виде королевских гвардейцев Легендо. Всего их было семеро, валяющихся на верхней площадке лестницы, точно опрокинутые игрушечные солдатики.

Ударившись пяткой о камень, она отступила на шаг. До этого момента ей и в голову не приходило, что, возможно, волшебный след, по которому она шла, не принадлежал ее матери. Если Мойры очнулись, кто-то из них вполне мог совершить подобное.

Однако гвардейцы мертвыми не выглядели. Возможно, Телла обманывала себя, но они, похоже, спали.

Она подкралась ближе и осторожно прижала палец к шее одного из них. Ей показалось, что удалось нащупать пульс, когда тишину нарушили торопливые шаги.

Принадлежали ли они ее матери или Мойре?

Желудок Теллы скрутило в узел от дурного предчувствия. Еще до того, как боги и богини Судьбы были освобождены из плена карт, сдерживающее заклинание начало ослабляться, и призрочным версиям Неупокоенной Королевы и Ее Прислужниц удалось ненадолго вырваться на свободу, однако хватило даже и этого – они тогда едва ее не прикончили. Но Телла выжила и предпочла бы встретиться с ними снова, чем рисковать потерять свою мать.

Ориентируясь на звук шагов, Телла спустилась по узкой лестнице в плохо освещенный лабиринт камер с жемчужно-белыми решетками, которые можно было бы даже счесть

красивыми, если бы не ее ненависть к клеткам в любом проявлении; вид каждой из них побуждал ее босые ноги двигаться быстрее.

Телла все бежала и бежала и замедлилась, лишь когда коридор вывел ее в ярко освещенную факелами пещеру, в которой стоял резкий запах серы и промозглой проточной воды. Это помещение могло бы послужить реалистичной декорацией для исторической пьесы, а именно сцены в камере пыток или арены древнего цирка.

Над головой Теллы перекрещивались красные канаты, под которыми не было сетки, а вдоль стен медленно вращались утыканые ножами цирковые колеса. За ними виднелись ямы с пылающими ярко-оранжевыми языками пламени, горевшими, как огненные озера под узкими подвесными мостами. В углу крутилась гранитная карусель, покрытая декоративными шипами.

Центр пещеры прорезало русло красной реки, на противоположном берегу которой стояла Палома. Однако она ничуть не походила на ту слабую женщину, которую Телла оставила лежащей в постели.

Донателла

Палома выглядела как зловещая версия Скарлетт. Телла не знала, где ее мать взяла новую одежду. Теперь на ней был черный кожаный длиннополый плащ с короткими рукавами и длинные гранатово-красные перчатки – того же цвета, что и ее корсетный топ. Ноги Паломы обтягивали облегающие белоснежные бриджи, заправленные в черные кожаные сапоги, доходившие до колен. На одном бедре покоился в ножнах кинжал, а второе обвивала тонкая серебряная веревка, похожая на ручную змею.

Она была красива жестокой красотой, как преступница, сошедшая с плаката «Разыскивается», чтобы написать иную концовку своей истории. И Телла отчаянно хотела быть частью этой концовки.

– Пожалуйста, не покидай меня снова! – вскричала она и рванулась вперед, вихрем пронеслась по пещере, перепрыгнула через красный поток и бросилась обнимать Палому. Телла обхватила ее изо всех сил, отчаянно надеясь, что, если станет держать достаточно крепко, на сей раз не лишится матери. Телла тоже хотела другого окончания их истории. Она хотела быть с Паломой и Скарлетт, улыбаться, смеяться

и строить чудесные планы на будущее.

– Тебе здесь не место, – отозвалась Палома резким голосом, но все же не оттолкнула Теллу, а погладила ее растрепанные кудри с нежностью, которую Телле никак не удавалось воспроизвести в своих воспоминаниях. – Я всегда знала, что ты вырастешь яростно настойчивой, – продолжила она, – но, Донателла, если не уйдешь прямо сейчас, эта битва погубит тебя. – Она оторвала от себя руки дочери.

– Нет! – Телла схватила мать за запястья; готовая удерживать ее всю оставшуюся жизнь, если понадобится. – Твое место рядом со мной и со Скарлетт. Не представляю, что ты задумала, но, пожалуйста, вернись к нам!

– Не могу. – Палома попыталась высвободиться, но Телла отказывалась ее отпускать. – Немедленно уходи отсюда – здесь небезопасно.

– С тех пор, как ты пропала, вся моя жизнь стала одной сплошной опасностью!

Карие глаза Паломы остекленели, и ее голос, наконец, смягчился.

– Мне ненавистно осознание того, сколь много боли тебе пришлось перенести, но я не хочу причинять еще больше страданий. Сегодня вечером я сама представляю для тебя угрозу, Донателла. Я пришла сюда кое-кого убить.

– Нет, – запротестовала Телла, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. – Ты так говоришь только для того, чтобы заставить меня уйти.

– Хотела бы я, чтобы это было так. Но кое-что из моего прошлого необходимо исправить, и я не стану рисковать, вмешивая в это тебя или Скарлетт. Я совершила бесчисленное множество ошибок, и лишь вы с сестрой – мое светлое послание этому миру. – Ее дерзкая улыбка вернулась, подарив девушке надежду, что, возможно, мама на самом деле не хотела никого убивать. Телле оставалось только убедить ее в этом.

– Просто вернись со мной, чтобы попрощаться со Скарлетт, – умоляла Телла. – Она же тоже скучала по тебе!

– Я бы с радостью, но не могу. – Палома протянула руку и взяла Теллу за подбородок. – Я бы пошла с тобой, но должна сделать то, о чем говорила, в противном случае ты и твоя сестра никогда не будете в безопасности.

Она нежно погладила Теллу по щеке, после чего ее рука в перчатке легла на затылок дочери, чтобы привлечь ближе к себе.

– Я очень сильно люблю тебя. Прости!

Что-то острое выскочило из кончиков пальцев на перчатках Паломы и укололо Теллу в затылок. Она тут же ощутила холод – ей в кровь впрыснули какую-то жидкость.

– Ч-что... – Язык внезапно стал тяжелым и бесполезным. Она хотела спросить, что такое мать с ней сделала, отчего она теперь даже не в состоянии пошевелиться, но не смогла выдать из себя ни слова.

Палома привлекла ее к себе только для того, чтобы удоб-

нее было ввести парализующее вещество. Должно быть, схожим образом она поступила и с ныне бесчувственными гвардейцами.

– Все будет хорошо, – заверила она, подхватывая дочь под мышки.

«Едва ли», – мысленно возразила Телла, с трудом веря в происходящее: мать бросила ее, затем накачала каким-то дурманящим снадобьем, а теперь тащит почти бесчувственное тело ко входу в пещеру. Телла пыталась сопротивляться, но руки и ноги не слушались – она вообще их едва чувствовала.

Палома, наконец, остановилась у одного из треснувших колес, к которым циркачи обычно привязывали женщин, а затем, хорошенько раскрутив, метали в них ножи. Она не стала подвергать дочь схожему испытанию, а просто спрятала ее, засунув между колесом и гранитной стеной.

«Нет! Не делай этого!» — мысленно взывала к ней Телла, но язык стал таким толстым и тяжелым, что не получалось даже пискнуть.

– Скоро ты заснешь, а когда проснешься снова, немедленно забирай сестру и уезжай из города. Я разыщу вас, когда смогу. – Палома поцеловала Теллу в щеку, прижимаясь к ней губами чуть дольше, чем раньше. Несмотря на это заверение, поцелуй вовсе не показался Телле обещанием новой встречи.

«Мама!» Телла попыталась стряхнуть овладевшую ею

немоту, продолжая оставаться в сознании – похоже, мать израсходовала большую часть яда на гвардейцев. Телла чувствовала покалывание в пальцах ног, но не могла ими пошевелить. Она даже не была в состоянии ползти за матерью, когда та уходила. Ей удавалось лишь прерывисто дышать – жалкий тихий звук, потонувший в топоте шагов вошедшего в пещеру. Кто-то уверенно и звучно продвигался вперед.

Телла не знала, в дурмане ли дело, но воздух становился все горячее по мере приближения и усиления угрожающего звука. Незванный гость подошел достаточно близко, чтобы Телла увидела пару запыленных сапог. Мужчина прошагал дальше, походя крутанув треснувшее цирковое колесо, и оно издало протестующий стон, как сломанные часы.

Клик.

Клик.

Клак.

Телле этот звук не понравился, однако благодаря вращению колеса ей удалось, глядя через растрескавшуюся секцию, осмотреть пещеру. Она тут же отметила сверкающие яркие искры, как будто воздух был на грани возгорания. Крошечные язычки пламени танцевали вокруг мужчины, заставляя сверкать золотые вставки на его красном военном мундире. И этот человек стоял прямо перед ее матерью.

Выжидающе подняв к нему лицо, Палома, казалось, разом стала меньше ростом.

– Я боялась, что никогда тебя больше не увижу, – сказала

она.

Колесо продолжало вращаться, скрывая от Теллы происходящее в пещере. Когда у нее в следующий раз появилась возможность обзора, она увидела, что незнакомец гладит ее мать по волосам, а та смотрит на него с обожанием во взоре, как будто ждала этой тайной встречи даже больше, чем Телла – воссоединения с ней.

Ситуация казалась вопиюще неправильной.

– Гавриил. – Палома произнесла его имя, как будто оно было ей одной известным секретом. – Я так по тебе скучала. Надеюсь, что ты вернешься в эти руины.

Колесо продолжало вращаться. Когда треснувшая секция снова оказалась у лица Теллы, она увидела, что мужчина запустил руку в волосы ее матери.

– Ты такая же красивая, какой я тебя помню, – заметил он и прижался губами к ее губам.

Телла могла бы поклясться, что пламя в пещере вспыхнуло ярче. Рассыпанные в воздухе искры сияли, как звезды. Даже будучи прижатой к холодной стене, Телла чувствовала их жар.

И испытывала головокружение. Она хотела, чтобы колесо остановилось, и тогда бы ей не пришлось ничего больше видеть, но вместо этого оно начало вращаться быстрее, словно очарованное поцелуем. Телла молилась святым, чтобы объятия прекратились или чтобы она, по крайней мере, восстановила способность двигаться, так сильно ей хотелось закрыть-

ся от этого зрелища. Но ее конечности оставались онемевшими, а поцелуй все длился, интимный, обжигающий и... совершенно неуместный.

Очевидно, мать пришла сюда вовсе не для того, чтобы кого-то убить, а потому что хотела быть с этим мужчиной больше, чем с собственными дочерьми. У Теллы свело бы живот, если бы она еще была способна хоть на какие-то ощущения.

— Мои воспоминания о тебе не воздавали тебе должного. — Его губы переместились к ее подбородку.

— Я тоже рада, что ты скучал по мне, — ответила она.

— Я думал о тебе каждый день. — Его губы приблизились к ее уху, но то, что должно было быть сказано шепотом, эхом разнеслось по всей пещере. — Я неустанно представлял себе все способы, которыми мог бы отомстить тебе.

Клик.

Клик.

Клак.

Любовная история вдруг обернулась катастрофой. В течение нескольких напряженных секунд сердце Теллы бешено колотилось. Некоторое время она не слышала ничего, кроме треска вращающегося циркового колеса, а потом голос матери громко произнес:

— Гавриил, я совершила ошибку.

— Ты засунула меня обратно в проклятую Колоду Судьбы, как только узнала, что я Мойра. Едва ли подобное можно счесть непреднамеренной ошибкой, Парадайз.

Божья кровь и зубы!

Так этот мужчина, который на самом деле *Мойра*, тоже томился в заточении карты! А мать его только что поцеловала. Что она творит? Отвергла собственную дочь, предпочтя ей одного из чудовищных бессмертных существ, которые считали людей лишь пешками в своих играх, хрупкими источниками развлечений. Телла не знала, какой именно *Мойрой* является этот Гавриил. Он мог быть Наемным Убийцей, Упавшей Звездой, Отравителем, Аптекарем или Хаосом. Да и какая разница, если все они – страшные демоны.

Телле хотелось крикнуть матери, чтобы та немедленно уходила, но язык по-прежнему оставался неповоротливым, а губы онемевшими. Она чувствовала лишь легкое покалывание, и даже если бы сумела издать какие-то звуки, едва ли Палома вняла бы ее предупреждению. Ей и без того известно, что стоящий перед ней мужчина – *Мойра*, очевидно, знала она, и какая именно, и какими разрушительными силами он обладает. Но, похоже, ей было все равно.

Еще один поворот колеса показал, что Палома снова прильнула к нему.

– Меня предупреждали, что ты убьешь меня, только чтобы не влюбляться в меня, – проворковала Палома, и ее голос прозвучал намного нежнее, чем тогда, как она ранее разговаривала с Теллой. – Конечно же, я запаниковала, Гавриил, и сделала то, что, как мне казалось, должна была сделать, чтобы защитить себя. Мы оба пойдем на что угодно, чтобы

выжить; это всегда нас с тобой объединяло. Но с тех пор я сожалею об этом выборе. Как ты думаешь, почему я сейчас здесь?

– Именно это я и пытаюсь выяснить, – признался он.

Прежде Телле доводилось встречаться с богами и богинями Судьбы: Принцем Сердец и Неупокоенной Королевой, но голос этой Мойры звучал еще холоднее, а присутствие было более властным и подавляющим. С каждым сказанным словом вокруг него вспыхивали маленькие огоньки. Паломы не дрогнула и не отстранилась.

– Тут и выяснять нечего. Я здесь, потому что хочу быть с тобой. – Она поднялась на цыпочки.

Колесо повернулось к Телле другим боком, скрыв то, что произошло дальше, но затянувшаяся тишина красноречиво свидетельствовала, что они снова целовались.

– Ты все еще жаждешь мести? – задыхаясь, спросила Паломы. – Или предпочитаешь остаться со мной?

– Мсть может и подождать. – Он снова жадно впился в ее губы.

Телла совсем было собралась зажмуриться, чтобы не видеть этой сцены, но вдруг заметила блеск серебра в руке своей матери, когда Паломы вытащила нож и быстро вонзила его Мойре в сердце.

Рев эхом разнесся по пещере.

Телла могла бы обрадоваться, но все еще не была до конца уверена в том, что мать задумала. Мойры ведь бессмерт-

ны, и если умирали, то моментально возвращались к жизни. С другой стороны, возможно, Паломе известно что-то, недоступное Телле. Когда колесо повернулось снова, она затаила дыхание и увидела...

Нет, не распростертую на каменном полу пещеры Мойру. Гавриил стоял и смотрел на Палому так, словно она действительно удивила его. Затем молниеносным движением, слишком быстрым, чтобы Телла успела заметить, его массивная рука вытащила кинжал из собственной груди, вонзила его в грудь Паломы и провернула.

Мать издала звук, который Телла будет вечно слышать в своих кошмарах. Он сотряс стены пещеры. Телла тоже старалась закричать, но не могла даже шептать. Ее губы все еще оставались онемевшими, руки и ноги покалывало, однако пошевелить ими она была не в состоянии.

Она попыталась на животе проползти под колесом, чтобы каким-то образом спасти свою мать, но все, что получалось делать, это смотреть.

Цирковое колесо замедлилось и теперь еле вращалось.

Клик.

Клик.

Клак.

Если сначала события развивались слишком стремительно, сейчас наоборот – чересчур медленно.

Когда колесо завершило очередной оборот, Палома все еще неподвижно лежала на полу пещеры, а истекающая кро-

вью Мойра смотрела на нее сверху вниз.

«*Поднимайся! Поднимайся! Поднимайся!*» — мысленно заклинала Телла. К ней, наконец, стала возвращаться чувствительность, и она сумела пошевелить сначала руками, а затем и ногами.

Ее мать вообще не двигалась.

Телла вонзила пальцы в землю, сбивая их в кровь, но ползти все равно не получалось.

Цирковое колесо перестало вращаться, а Мойра упал на колени. Палома по-прежнему не подавала признаков жизни.

Телле удалось проползти вперед на несколько сантиметров. Сдаваться она не хотела. Не может ее мать умереть, ведь она такая сильная. Да и Телла слишком упорно боролась, чтобы теперь потерять ее. Их история не должна закончиться таким образом.

«*Я тебе руки оторву!*» — мысленно проклинала она обидчика, но вслух удалось пробормотать лишь невнятное:

– Сукин ты сы...

Кто-то зажал ей рот рукой, холодной и пахнущей яблоками и магией.

– Тише, любовь моя, – прошептал Джекс. – Ты больше ничего не можешь для нее сделать, кроме как сохранить собственную жизнь.

Он не отнимал свою ледяную ладонь от губ Теллы до тех пор, пока Гавриил, наконец, не умер от нанесенной Паломой раны. Его массивное тело упало на пол. В воцарившейся в

пещере тишине Телла отчетливо услышала, как раскололось на куски ее собственное сердце.

Донателла

Телла испытывала горячее желание остановить время. В течение многих лет она делила свою жизнь на два периода: *Когда Мама Была Дома* и *После Того, Как Мама Пропала*. Теперь Палома мертва. Но Телла не собиралась превращать это событие в очередную веху. Она вообще не хотела, чтобы время двигалось вперед. Пусть бы оно замерло, подобно ее неподвижным конечностям, к которым постепенно возвращалась чувствительность.

Идти она все еще не могла, зато удалось подползти по гранитному полу пещеры к телу своей матери. Теперь от нее осталась одна пустая оболочка. Когда Палома еще спала зачарованным сном, ее кожа сохраняла нормальный цвет, а грудь вздымалась и опускалась. Однажды Телла подумала, что мать неподвижна, как труп, но лишь теперь поняла, как она тогда заблуждалась.

– По крайней мере, он ударил ее ножом вместо того, чтобы испепелить – а ведь ему это вполне по силам, – заметил Джекс. – Умереть в огне было бы куда болезненнее.

– Мне от этого не легче, – пробормотала Телла.

– Ну, на роль утешителя я никогда не годился. – Джекс

поднял Теллу с земли, подхватив своими холодными руками.

– Отпусти меня, – запротестовала Телла. Меньше всего на свете ей сейчас требовалась помощь Мойры.

Джекс тяжело вздохнул.

– Если я оставлю тебя здесь, ты умрешь, подобно своей матери, когда Гавриил вернется к жизни. Или на тебя случайно наткнется другая Мойра.

– Тебе-то какое дело?

– Никакого. – На щеках Джекса появились ямочки, а узкие губы раздвинулись в резкой улыбке, превратившей его в прекрасного хитрого Принца Сердец, которым Телла была очарована в детстве. – Просто мне самому нравится тебя мучить.

– Слишком поздно, – пробормотала Телла, думая о том, что ей, вероятно, следовало оказать ему большее сопротивление.

Джекс не беспокоил ее последние шестьдесят с лишним дней, и предположительно она была его настоящей любовью – единственным человеком, невосприимчивым к его роковому поцелую, но при этом он по-прежнему оставался Мойрой. Смертоносной, к тому же. До появления Легендо именно он был наследником Элантины и, если верить слухам, лишил жизни целых семнадцать человек, чтобы вплотную приблизиться к трону. Он даже угрожал убить Теллу, но, невзирая на его злобный нрав и коварство, она его никогда не боялась.

А теперь и вовсе не чувствовала ничего, кроме оцепенения.

Смерть матери казалась бессмысленной. Гавриил не при-
чинял ей вреда до тех пор, пока она сама не ранила его. Воз-
можно, он не убил бы ее, если бы она первой не ударила его
ножом. Зачем ей было так рисковать, зная, что он все равно
воскреснет?

– Кто такой Гавриил? – Телле с трудом удалось заставить
себя произнести это имя. – Что за Мойра?

Холодные пальцы Джекса напряглись на ее спине.

– Я говорю тебе это только потому, что он нравится мне
еще меньше, чем ты. Гавриил – это Упавшая Звезда.

Та самая Мойра, которая, если верить колдунье, созда-
ла всех остальных богов и богинь Судьбы. Ядовитая волна
ярости на мгновение прорвалась сквозь владеющее Теллой
оцепенение. Если Легендо действительно хотел убить Упав-
шую Звезду, чтобы уничтожить других Мойр, придется ему
встать в очередь.

– Я найду способ уничтожить его, – поклялась Телла.

– Только не в таком состоянии, – пробормотал Джекс,
неся ее вверх по ступенькам.

Когда они с Джексом, наконец, выбрались из пещеры, Тел-
ле не хотелось видеть небо. По ее мнению, оно должно было
стать черным, но продолжало оставаться ослепляюще синим
с переливчатыми нитями индиго. Обычно Телле нравилось,
когда солнце допоздна задерживалось на небосводе, продол-
жая своими лучами разгонять подкрадывающийся мрак но-

чи, но сейчас это казалось неправильным. День должен был завершиться, а солнце – скрыться и погрузить мир во тьму в тот момент, когда умерла ее мать.

У Теллы перехватило дыхание. Она закрыла глаза, пытается отгородиться от света, но стало только хуже. Стоило ей смежить веки, как перед мысленным взором снова и снова возникал Упавшая Звезда, вонзающий нож в сердце ее матери.

В груди kloкотало глухое рыдание. Телла весьма смутно понимала, где находится, когда Джекс нес ее по кирпичной улице. Она не знала, где он живет теперь, перестав быть наследником Меридианной империи и, как следствие, лишившись и своего замка Идиллуайлд. Она предполагала, что он обосновался в квартале Пряностей, а именно, в какой-нибудь кривобокой постройке, облюбованной также шайкой воров, или и вовсе в подземной гробнице, служащей тайным логовом бандитам.

Судя по запахам, путь они держали вовсе не в квартал Пряностей. Ни намек на едкий запах сигар. Ни струйки пролитого спиртного, ни капли мочи на мостовой. Джекс пронес ее по чистеньким дорожкам Университетского городка, окунув в мир книг в кожаных переплетах, отглаженных мантий и аккуратно подстриженных живых изгородей. Здесь в изобилии произрастали честололюбивые целеустремленные ученые – совсем как сорняки.

Приближаясь к четырехэтажному дому из глиняно-крас-

ного кирпича с колоннами из оникса, Джекс замедлил шаг. Телле хотелось спросить, что они здесь делают, не здесь ли он живет, но сумела лишь разрыдаться.

То, что с ней происходило, даже нельзя было назвать плачем. Плач подразумевал некую сопричастность, действие. Но для Теллы игры закончились. На самом деле у нее едва получалось дышать.

– Я бы мог сказать что-нибудь утешительное, но в прошлый раз ты этого не оценила, – пробормотал Джекс, однако, вопреки словам, крепче прижал ее к своей холодной груди, подойдя к двустворчатым полированным дверям.

Возможно, он действительно намеревался попытать ее. Или знал, что, хотя онемение ее почти прошло, поставь он ее на ноги, она все равно не сумела бы сделать и пары шагов самостоятельно, а просто осталась бы лежать на ведущих к его дому ступеньках даже после захода солнца и наступления ночной прохлады, пока снова не оцепенела бы. Потому что разом нахлынувшие чувства причиняли неимоверную боль, повсеместную и всеобъемлющую. Ее душа была изранена и кровоточила, так что Телла понадеялась даже, что эмоции выплеснутся наружу. Тогда, возможно, ей не будет так невыносимо больно и трудно дышать, думать и чувствовать что-либо, кроме агонии.

Дверь распахнулась перед ними, и они вошли внутрь. Невыносимое голубое небо сменилось потолком с золотыми люстрами, рассыпающими снопы искр по стенам, оклеенным

обоями с черными и красными символами игральных карт. Итак, Джекс принес ее в игорный дом, полный торговцев дурманящими препаратами, которые улыбались, как тигры, и игроков, нетерпеливых, как жаждущие материнского молока детеныши.

Люди смеялись, хлопали в ладоши и с криками и воплями бросали кости на столы. Все происходящее представлялось Телле чертовски неправильным. Окружающая обстановка виделась ей размытым пятном игровых фишек и шипучих напитков, развязанных шейных платков и пощелкивания рулеток. Когда кто-то выигрывал, с потолка прямо на головы сыпалось конфетти из червей, трэф, бубен и пик. В некотором роде эту комнату можно было назвать живой – в отличие от Паломы.

Если кому-то и показалось странным, что Джекс нес на руках истерично всхлипывающую девушку, то виду не подал. Или, может, Телла просто не заметила. Хотя задернутые на окнах шторы и не пропускали света, царящие в игровом зале Джекса шум и хаос многократно усиливали пронзительную пустоту внутри ее.

Пробираясь сквозь толпу, Джекс крепче прижимал Теллу к себе, а подходящим к нему людям лишь нараспев отвечал: *«Разве не видите, что у меня руки заняты?»* или и вовсе не обращал внимания.

Еще несколько шагов, и они оказались на лестнице. Чем выше они поднимались, тем более потертым становился

плюшевый ковер. Джекс привел в порядок первый этаж для своих гостей, а остальные оставил без изменений. Хотя Телла почти ничего не увидела, поскольку взгляд ее был в основном прикован к полу и поношенным сапогам Джекса. А он между тем пронес ее еще через одну дверь.

Комната, в которую они попали на этот раз, походила на кабинет. Перед неразожженным камином лежал изящный коврик цвета янтаря с подпалинами в нескольких местах. Также здесь стоял поцарапанный письменный стол с одиноким растением под стеклянным колпаком и потертый коричневатый кожаный диван, на который Джекс и опустился, продолжая баюкать Теллу в объятиях.

Она хотела было отстраниться, считая неправильным позволять ему прикасаться к ней, ведь он принадлежал к той же породе существ, что и тот, кто у нее на глазах убил ее мать. С другой стороны, каким бы странным это ни казалось, но, если бы не смертоносные руки Джекса, она бы уже давно рассыпалась на части. Телла отчаянно нуждалась в утешении, правда, *не в его лице*.

Вскоре она промочила его рубашку слезами, но Джекс не отталкивал ее, наоборот, крепче прижимал к себе и круговыми движениями гладил по спине одной рукой, а второй нежно водил по ее локонам, осторожно распутывая их.

– Зачем ты мне помогаешь? – кое-как вымолвила она.

В отличие от Легендо, который либо скрывал свои чувства, либо изображал, что что-то испытывает, хотя на самом

деле ему было плевать, Джекс никогда не притворялся заботливым и любящим. Если ему что-то требовалось, он просто добивался желаемого с помощью угроз.

– Когда ты в таком жалком состоянии, с тобой совсем не весело. Я не могу мучить тебя, если ты и без того несчастна. – Его ладонь переместилась с волос на щеку, чтобы смахнуть несколько слезинок. Прикосновение было таким же мягким, как последний поцелуй, который мать запечатлела на этой самой щеке, и Телла совсем расклеилась.

Теперь слезы не просто капали из ее глаз, но лились мощным потоком. Она рыдала так горько, что казалось, вот-вот сломается. Владеющие ею эмоции были столь всеобъемлющи, что не удержать, и требовали освобождения.

– Все оказалось напрасным, – стонала Телла. – Я пыталась спасти ее, но мои действия привели ее к гибели. Не следовало мне стараться изменить предсказанное Араклом будущее. Когда я в первый раз увидела маму на игровой карте, она была в заточении. Если бы я не вмешалась, она бы до сих пор была жива.

– Или утянула бы тебя за собой в могилу, – возразил Джекс. – Откуда тебе знать, какие еще вам были уготованы варианты судьбы?

– Тем не менее все могло обернуться по-другому. – Телла представила себе другие окончания истории Паломы. Если бы Телла в детстве была послушной девочкой и никогда не играла с проклятой Колодой Судьбы, возможно, мать не

оставила бы своих дочерей на Трисде, а взяла бы их с собой. Или если бы Легендо просто забрал колоду, как Телла и просила, а затем уничтожил ее, прежде чем еще кому-нибудь из Мойр удалось сбежать, ее мать была бы сейчас жива.

Телла совершила множество ошибок. Вот бы можно было повернуть время вспять и все исправить! Развернуть жизненный путь в другую сторону и прийти к иной концовке.

Так вот же оно, решение!

В ее душе вспыхнула искра надежды.

Телла могла бы вернуться в прошлое и переиграть нынешний день. Теперь, когда все Мойры проснулись, это вполне можно устроить. Хоть какая-то будет польза от их возвращения!

Телла подняла глаза на Джекса и с тех пор, как он унес ее, впервые увидела его по-настоящему. Благодаря непокорным прядям золотистых волос он был больше похож на потерянного мальчишку, чем на смертоносную Мойру; его неземные глаза были серебристо-голубыми, как мечты юных девушек; а губы такими острыми, что, казалось, способны порезать поцелуем. Доверять ему нельзя, но, если хочет осуществить свой план, следует заручиться его помощью.

– В Колоде Судьбы была Мойра, способная перемещаться в пространстве и времени, – Наемный Убийца. Что, если бы он мог помочь мне исправить то, что случилось?

– Я понимаю, что ты скорбишь, – отозвался Джекс, – и все же это худшая идея из всех, что я когда-либо слышал.

Путешествия во времени никогда ни к чему хорошему не приводят.

– Так же как и доверие к тебе. Однако я здесь, а ты до сих пор не причинил мне вреда.

– И ключевые слова этой фразы – *до сих пор*. – Он провел холодным пальцем по ее подбородку. – Дай срок, и, помани мое слово, все переменится.

Телла выпрямилась.

– Скажи, где искать Наемного Убийцу, и я немедленно уйду.

– Даже если бы и знал, где он, все равно не сказал бы тебе, Донателла. Связываться с Наемным Убийцей – плохая идея, и не только из-за его имени. До того, как Мойры оказались запертыми в ловушке карт, Упавшая Звезда, Неупокоенная Королева и Убиенный Король использовали Наемного Убийцу для перемещений в пространстве и времени, и частая смена временных рамок свела его с ума. Поэтому теперь он частенько не осознает, где находится, и иногда исчезает на длительное время. Люди, которым удалось убедить его вернуть их в прошлое, не всегда возвращаются назад. Как я уже сказал, идеи хуже нельзя и придумать.

– Хуже того, что есть сейчас, быть уже не может. Пожалуйста, Джекс. – Телла вцепилась в его влажную рубашку и притянула его жестокое лицо ближе. – Помоги мне найти его, умоляю. Мне так больно. Слишком больно. Все причиняет боль. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу, как

Упавшая Звезда убивает мою маму. А когда становится тихо, слышу ужасное щелканье того циркового колеса и ничего не могу поделать!

Рука Джекса замерла у нее на спине.

– Что, если я сам избавлю тебя от боли и печали?

– Но как? – не поняла она.

– Это одна из моих способностей. – Он стер с ее щек очередную дорожку слез.

Сквозь пелену горя Теллы прорезалась предупреждающая вспышка. Если верить сказаниям, Принц Сердце обладает умением управлять эмоциями. Но, поскольку Джекса не было в Колоде Судьбы, когда Легендо освободил других Мойр, то при нем по-прежнему лишь половина его сил.

– Я думала, что к тебе вернулись не все твои силы.

– Они и не вернулись, – тут же подтвердил он. – Я до сих пор не в состоянии контролировать эмоции так, как раньше, или внушать кому-то нужные чувства. Однако у меня получится временно избавить от нежеланных ощущений. Я смогу забрать твою боль на сегодня. – Его ледяные пальцы задержались на ее щеке, как ошеломляющее обещание и предупреждение одновременно. – Я не стану стирать ее навсегда, любовь моя, и завтра она опять тебя накроет, но будет уже не такой сильной, как сейчас.

Второй рукой он принялся снова поглаживать Теллу по спине, и она почувствовала, что стало легче дышать. Слишком легко. Она задавалась вопросом, использовал ли он свои

силы, чтобы успокоить ее, однако уже была не в состоянии беспокоиться так рьяно, как следовало бы. Боль в сердце была слишком ошеломляющей. Она знала, что в тот момент, когда Джекс отстранится, ее легкие вновь скует горе, слезы польются ручьем, и, даже не закрывая глаз, все равно будет видеть в бесконечном повторе смерть матери. Сотня смертей за один удар сердца. Слишком много ударов – и сама Телла тоже может умереть.

– Действуй же, – наконец, решилась она, хоть умом и понимала, как неправильно искать утешения у Мойры. Но даже если она и совершает ошибку, хуже, чем теперь, быть уже не может. – Забери печаль и боль – все, что причиняет страдания.

Донателла

Холодная рука Джекса легла на щеку Теллы.

– Хорошо, любовь моя. – Он наклонил ее лицо к своему и прижался губами к ее губам.

Упершись ладонями ему в грудь, Телла оттолкнулась и спрыгнула с его колен.

– Что ты делаешь? – возмутилась она.

– То, что ты и просила: забираю боль.

– Ты не предупреждал, что для этого нам придется целоваться.

– Это наиболее подходящий способ. Больно все равно будет, но...

Когда они целовались в последний раз, сердце Теллы перестало биться должным образом.

– Нет, – запротестовала она. – Я не позволю тебе снова целовать себя.

Джекс провел языком по зубам и на долгую минуту погрузился в размышления.

– Есть и другой способ, но... – секундное колебание, – он требует обмена кровью.

Понимание пронзило Теллу с головы до ног, мощной вол-

ной пробежало по позвоночнику. Обмен кровью – действие невероятной силы; еще во время своего первого Караваля она узнала, что магия подпитывается кровью, временем и сильными эмоциями. Телле и раньше доводилось вкушать кровь. Она не помнила этого отчетливо, поскольку балансировала на грани смерти после столкновения с Неупокоенной Королевой и Ее Прислужницами и вполне могла перейти в мир иной, если бы ее не напоили кровью, – именно это ее и спасло. Но кровь также обладала способностью отнимать жизнь. Одна отданная капля крови однажды стоила Скарлетт целого дня жизни.

– Сколько крови тебе нужно выпить? – уточнила она.

– Вообще несколько – если, конечно, ты сама не предпочтешь именно этот способ. – Джекс одарил ее хищной улыбкой, вытаскивая из-за голенища сапога кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой. Половины камней не хватало, а те, что остались, подмигивали горько-синим и губительно-фиолетовым цветом.

Джекс провел кинжалом по центру своей ладони, отчего выступила кровь, сверкающая золотыми искорками.

– Тебе нужно сделать то же самое. – Он протянул кинжал Телле.

– Что произойдет после того, как я порежусь?

– Мы пожмем друг другу руки и произнесем волшебные слова, – дразнящим голосом пояснил он, хотя его неземные глаза оставались предельно серьезными, когда он протянул

ей свою кровоточащую ладонь.

Кровь с золотыми крапинками продолжала сочиться из пореза, скапливаясь в сложенной чашечкой ладони. Теперь Джекс и вовсе утратил человеческий облик, что должно было напугать Теллу, но поскольку ею всецело владели горе и боль, для страха места уже не осталось.

Она ничего не почувствовала, проведя кончиком кинжала по своей ладони. Хлынула кровь, которая была куда темнее сверкающего ручейка, стекающего по запястью Джекса. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы остановить этот поток. Его глаза были прикованы к ее руке, наблюдали за тем, как красные капли пятнают ее и без того запачканный желтый пояс и голубовато-фиолетовый подол. Надевая это платье утром, она рассчитывала на хороший день, но со временем оно пришло в негодность, как и многое другое.

Телла вернула Джексу кинжал, но он уронил его на землю и взял ее окровавленную руку в свою. Его пульс участился, а ладонь стала горячей, как никогда. Сочащаяся из его раны кровь жаждала смешаться с ее кровью.

– Теперь повторяй за мной.

Джекс вдруг заговорил на языке, которого Телла не знала. Каждое слово оживало у нее на губах; оно имело металлический волшебнo-сладкий привкус крови, текущей по их рукам. Которая становилась все жарче и струилась все быстрее с каждым последующим звуком. Джекс обещал забрать ее горе и боль, но что-то в их обмене заставило ее заподо-

зреть, что она отдает куда больше, чем намеревалась.

«Остановись, пока не стало слишком поздно».

Однако остановиться Телла не могла. Она позволит ему забрать все, что хочет, если взамен он унесет ее скорбь.

Три последних слова слились в некую фразу и были произнесены особенно звучным голосом:

– Персис атай лирниаллис.

Они совсем не казались сладкими на вкус, наоборот, впились в язык, точно колючки, острые, цепкие и совершенно нечестивые. Внезапно окружающая обстановка – кожаный диван, пустой камин, заваленный бумагами стол – исчезла.

Телла старалась не кричать и не навалиться на Джекса, когда невидимые нити магии, похожие на очаги пламени и горящие мечты, обвились вокруг их сцепленных рук, необузданным потоком хлынули ей в вены и стали растекаться по телу, обжигая руки и грудь, клеймя плоть.

– Не отпускай, – велел Джекс.

Второй рукой он теперь сжимал ее здоровую ладонь, но Телла почти ничего не ощущала. Она снова оказалась лежащей на каменном полу пещеры и беспомощно наблюдала за уходящей от нее матерью. Затем появился Гавриил, но на этот раз между ними не было вращающегося циркового колеса. Расширенными от ужаса глазами Телла глядела, как он вытащил кинжал из своей груди, вонзил его в сердце ее матери и прокрутил...

– Посмотри на меня, – прошипел Джекс сквозь зубы.

Телла разлепила веки и увидела, что лоб Джекса стал влажным от пота, а его грудь порывисто вздымается и опадает – как и у нее самой. Он не просто избавляет ее от боли, но забирает боль себе. По его щекам струились кровавые слезы, а глаза из-за испытываемых страданий сделались почти совсем прозрачными.

Телла крепче стиснула его руки и прижалась лбом к его лбу.

– Это наш обмен так непросто тебе дается или ты переживаешь *за меня*? – тяжело дыша, спросил Джекс.

– Не лсти себе.

– А ты не лги мне, ведь я чувствую все то же, что и ты сейчас. – Он приблизил губы почти вплотную к ее рту, так что она ощутила вкус его кровавых слез, струящихся по щекам. Они были горькими, исполненными потерь и скорби, но также холодными и чистыми, как лед. Решив, что это ненастоящий поцелуй, она прильнула к его губам и почувствовала, что душевные терзания несколько притупились.

Похоже, следовало позволить ему поцеловать себя... Может быть, на сей раз последствия оказались бы не такими катастрофичными.

– Обещаю, теперь вреда не будет, – прохрипел Джекс.

Телла снова легонько коснулась губами его губ. Он был лжецом и Мойрой к тому же, но от этого мимолетного контакта она в самом деле почувствовала себя лучше.

Когда Джекс поцеловал ее в ответ, ее боль пошла на

убыль. Он забирал себе ее горе в сплетении языков, слиянии слез, крови и разбитых сердец, впитывал его с каждым жадным движением своих холодных губ, прижатых к ее. Продолжая стискивать руки Теллы, он завел их ей за спину, словно заключая в клетку собственного тела, и они оба упали на пол.

То, что происходило между ними сейчас, ничем не напоминало безупречный первый поцелуй во время Судьбоносного Бала. Нынешнее слияние их губ было отчаянным, диким, грубым и порочным. Исполненным владеющих ими ужасных эмоций. Нескончаемый поток скорби и боли. Они лежали на грубом ковре, вцепившись друг в друга. Телла впилась зубами в нижнюю губу Джекса так сильно, что выступила кровь.

Он в ответ накинулся на нее с еще большим жаром, собственнически покусывая ее подбородок и шею, постепенно спускаясь к ключице.

Если раньше он мог чувствовать ее эмоции, то теперь и она обрела способность чувствовать *его*. Даже забрав ее печаль и сердечные терзания, ощущал он сейчас совсем другое: желание, отчаяние, вожделение, одержимость. Он хотел ее, ее одну. Настолько сильно, что ни о чем больше и помыслить не мог. Телла поняла это по тому, как изменился их поцелуй, из безрассудного и голодного сделавшись томным, смакующим, как будто Джекс долгое время воображал его себе, а теперь взялся претворять фантазии в жизнь.

Тоненький голос разума, который Телла изо всех сил пы-

талась игнорировать, уверял, что она совершает огромную ошибку, что на самом деле ее сердце стремится вовсе не к Джексу, а к Легендо. Всегда к Легендо, какие бы поступки он ни совершил и кем бы ни был на самом деле. Возможно, ей никогда не удастся заполучить его *по-настоящему*, но от этого не перестанет желать его. Если уж ей суждено поцеловать одного из злодеев, пусть это будет Легендо, а не Принц Сердец.

Ей нужно оттолкнуть Джекса!

Но Легендо больше и пальцем к ней не прикасался. Будь он сейчас здесь, вероятно, даже не обнял бы ее, не говоря уж о том, чтобы поцеловать. А Телле нравилось даруемое сливанием губ ощущение: о ней заботятся, ее лелеют. Куда приятнее чувствовать вместо боли желание. Печаль почти прошла, и поцелуй стал более интенсивным. Или, быть может, теперь, когда Телла перестала испытывать сокрушительное отчаяние и у нее перед глазами не стояла смерть, она получила возможность по-настоящему насладиться поцелуем – и каждым сантиметром тела прижимающегося к ней Джекса.

Однако, даже пребывая в нынешнем смятенном состоянии, Телла знала, что дольше так продолжаться не может. Поэтому она вырвала свою кровоточащую руку из ладони Джекса и отвернулась от него.

Джекс не сделал попытки остановить ее, но и не отодвинулся тоже, так что они продолжали лежать на боку, прижавшись друг к другу грудными клетками, тесно сплетаясь нога-

ми.

Боль, печаль и чувство утраты покинули Теллу. Но вместе с ними ушла и жизненная сила, оставив ее пустой и бескостной. Пятна крови были повсюду: на ее платье, руках, на Джексе. Она понимала, что между ними только что произошло что-то невероятно интимное, выходящее далеко за рамки физического.

На его щеках виднелись красные дорожки, похожие на призраки слез, которые он выплакал из-за нее.

Ей следовало попытаться встать и уйти, но тело было предельно истощено. К тому же ей нравилось, как Джекс обнимал ее, крепко прижимая к своей холодной груди, как будто хотел, чтобы она осталась. Она продолжит ненавидеть его после того, как восстановит силы. Прямо сейчас ее занимало лишь то, что боль ушла.

– Спасибо, Джекс.

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Не уверен, что сделал тебе одолжение, любовь моя.

Донателла

Телла вздрогнула и проснулась. Ее похожие на лихорадочные вспышки сны проносились так быстро, что она не смогла ничего запомнить, но одно знала наверняка: Легендо в них не было.

Привыкнув за два месяца к их встречам в мире сновидений и не найдя его там, она ощутила пустоту. Ничего подобного она не ожидала, особенно теперь, когда Легендо вернул себе все свои силы. Забрав магию колдуньи, он, вероятно, приобрел еще больше могущества, чем раньше. Но во снах Теллы больше не появлялся.

Заметил ли он, как она следила за ним вчера? Возможно, с его способностями до сих пор что-то не в порядке? Или дело в чем-то еще?

Сердце Теллы бешено колотилось, кожа горела огнем, за исключением тех участков, где она соприкасалась с ледяными руками и ногами Принца Сердец.

Грязная кровь святых!

Ей нужно выбираться отсюда! Она не собирается тут *ночевать*. Необходимо уйти и разыскать сестру, которая, вероятно, до смерти волнуется.

Телла осторожно высвободила ноги из-под Джекса, и он тут же отреагировал, теснее прижав ее к себе и уткнувшись в нее лицом. Телла шумно выдохнула.

Даже во сне красота Принца Сердец выглядела порочной. Его брови сомкнулись в жесткую линию; темные ресницы выглядели такими острыми, что могли уколоть пальцы; и без того бледные щеки приобрели льдистый оттенок синего; а на нижней губе по-прежнему виднелись засохшие пятна крови там, где она укусила его.

Телле вдруг стало очень жарко. Она до сих пор ощущала вкус их поцелуя: терпкий, горький и восхитительно сладкий одновременно, напоминающий яблоки, горе и магию богов и богинь Судьбы. Она отказывалась думать о случившемся как об ошибке, но не могла позволить этому повториться вновь.

Наплевав на грациозность, Телла неуклюже высвободилась из объятий Джекса, вскочила на ноги и бросилась к выходу.

* * *

Постучав в дверь пансиона, Телла уловила запах овсянки на завтрак и крепкого черного чая. Светло-коричневая деревянная панель уже успела нагреться, хотя солнце взошло совсем недавно. Значит, ожидается еще один знойный день. Шея Теллы сзади уже стала влажной от усиливающейся жары.

Она опустила глаза на свое заляпанное грязью и кровью голубовато-фиолетовое платье и пожалела, что перед уходом не украла у Джекса плащ. Если Скарлетт увидит кровь на подоле, то завалит вопросами, на которые Телла не горела желанием отвечать. А вопросов у сестры наверняка накопилось немало!

Но теперь слишком поздно что-то предпринимать. Хозяйка сама открыла дверь и, едва удостоив Теллу взглядом, стала закрывать снова со словами:

– Благотворительностью мы не занимаемся.

– Подождите же! – Телла что было сил ухватилась за край двери. Женщина, должно быть, не узнала свою постоялицу в нынешнем жалком растрепанном существе. – Мы с сестрой снимаем у вас комнаты на втором этаже.

– Больше нет. – Хозяйка поджала губы. – Вы с сестрой были выселены за уничтожение имущества. Уходи, или я прикажу тебя арестовать.

– Вы не можете так поступить! – В прошлый раз Телла в самом деле сорвала простыню с кровати, но вряд ли это можно было считать уничтожением имущества. – К тому же мы заплатили вперед, до конца года. Так что не смейте меня задерживать, а то как бы сами не угодили за решетку.

Телла толкнула дверь достаточно сильно, чтобы распахнуть ее.

– Стой! – крикнула ей вслед хозяйка пансиона. – Еще один шаг, и, клянусь, я вызову патруль!

– Как вам будет угодно! – отозвалась Телла, взлетая по лестнице. Она не знала, что происходит, но стремилась как можно скорее увидеть свою сестру и...

Телла резко остановилась перед развороченной дверью. С петель свисали жалкие деревянные обломки. Кто-то прибил к раме простыню, но почему-то от этого вид сделался еще более зловещим, как у закрытого гроба на похоронах.

Рывком отдернув ткань, она позвала:

– Скарлетт?

Ее голос был встречен тишиной и полной разрухой. Мебель расколота и обуглена, зеркала треснули, пол усеян острыми осколками светильников. Очень похоже на место преступления.

– Скарлетт! – снова крикнула Телла, на сей раз погромче. При мысли о потере сестры болезненные эмоции, которые забрал Джекс, угрожали вернуться в новой форме. Крови вроде нигде не было, но это вовсе не означает, что Скарлетт не пострадала. И, конечно, Телла и помыслить не могла, что весь этот беспорядок учинила *ее сестра*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.